

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики её преподавания

**Образ уральского города в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка
"Приваловские миллионы": региональный компонент
литературного образования**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

Исполнитель:
Панарин Роман Андреевич,
обучающийся БЛ-41 группы

Руководитель ОПОП:

Научный руководитель:
Семухина Ирина Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры литературы и
методики её преподавания

Екатеринбург 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗ ГОРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ.....	12
1.1. Город как текст, городские свертксты русской литературы	12
1.2. Образ провинциального города в русской литературе	16
1.3. Формирование литературного образа Екатеринбургa	21
ГЛАВА 2. ОБРАЗ «УЕЗДНОГО ГОРОДКА УЗЛА, ЗАБРОШЕННОГО ВГЛУБЬ УРАЛЬСКИХ ГОР» В РОМАНЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.....	27
2.1. Замысел романа «Приваловские миллионы»	27
2.2. Пространственно-временные параметры провинциального мира романа.....	29
2.3. Провинциальное общество в романе	36
2.3.1. Мир старинной раскольничьей семьи золотопромышленника Василия Бахарева	37
2.3.2. Сатирическое изображение мира «kozyрных тузов»	42
2.3.3. Образы «новых» людей в романе	46
2.3.4. Последний представитель «выродившейся семьи» (Сергей Привалов).....	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	60

ВВЕДЕНИЕ

Имя уральского писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка стоит в одном ряду с именами знаменитых русских классиков. Об осязаемом вкладе писателя-реалиста в развитие русской литературы говорили многие выдающиеся творцы того времени. Так, например, А. П. Чехов замечал, что в творчестве Мамина-Сибиряка «есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображен несколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике» Л. Толстого; М. Горький говорил о том, что талант Мамина-Сибиряка «всюду крупен и ярк»; В. Короленко писал о «поразительном запасе творческой силы, о ясности ума, об умении верно и сильно очертить лица»; для публициста Н. Михайловского Мамин – «огромная стихийная сила», «крупный, непосредственный талант вне всякого сомнения»; по мнению Е. Соловьева-Андреевича, уральский писатель «лишь по какому-то случайному недоразумению не занимает по всем правам принадлежавшее ему место» [цит. по: Дергачев 1981: 3-4].

Однако, несмотря на лестные отзывы многих современников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, по словам И.А. Дергачева, «прошел в литературе известной неизвестностью, почитаемый публикой и не понятый по-настоящему тогдашней критикой» [Там же: 3]. Например, Е. Колтоновская в статье «В стороне от главного русла» (1913) высоко оценивает писателя, но при этом пишет: что Мамин-Сибиряк «совершил свой долгий путь каким-то таинственным незнакомцем», его «стихийный талант был по природе чужд основному духу русской литературы, и пути его прошли в стороне от тех граней, в которых пролегло русло» [Там же: 4].

Из под пера Д. Н. Мамина-Сибиряка вышло пятнадцать романов, сотни рассказов, очерков, повестей. М. Салтыков-Щедрин назвал «прекраснейшими» очерки «Золотуха», которыми Мамин дебютировал в «Отечественных записках». Н. Лесков пребывал «в восторге» от романа «Золото», в котором его привлекали «свежесть и непосредственность таланта писателя» [Там же:

4]. Однако, первый роман писателя – «Приваловские миллионы» (1883) – не привлек внимания русской критики и писательской братии. После публикации романа не появилось ни одного отзыва, ни одной рецензии. Только Глеб Успенский высоко оценил «Приваловские миллионы». Почему этот первый роман (наиболее популярный и узнаваемый читателями XXI века в творчестве Мамина) не смог занять должное место в умах современников? И.А. Дергачев предположил, что «причины эти следует искать как в особенностях таланта самого писателя, так и в характере литературного направления, к которому он принадлежал» [Дергачев 1981: 89].

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк родился 6 ноября 1852 года в семье священника Висимо-Шайтанского заводского поселка. В окрестностях были расположены десятки других заводов, велась добыча золота, серебра, платины. После реформы 1861 года обостряются социальные противоречия, которые на Урале приобрели новые формы. Вся земля оставалась за горно-промышленниками, являвшимися одновременно помещиками и заводчиками. Мамина-Сибиряка волновали сложные проблемы народной жизни, рабочих и крестьян. Обширное знание писателем проблем пореформенного Урала, его любовь к Родине отразились в произведениях. Мамин-Сибиряк стремился воплотить «темное царство капиталистов-хищников, тяжелую участь эксплуатируемых масс, полное их обнищание» [Боголюбов 1953: 3].

В первых маминских рассказах в изобилии присутствуют уголовные сюжеты, насыщенные кровавыми столкновениями, сильными страстями, историями о разбойниках, беглых, сплавщиках, скитских старцах и т.п. Все ранние публикации были пробой для начинающего писателя. По словам В. А. Старикова, Мамин сам признавал, что «все это было написано на скорую руку ради денег, лишь бы угодить заказчикам-издателям чисто коммерческих дешевых изданий» [Стариков 1981: URL]. Боголюбов так же замечает, что «при всей значительности тем рассказы не были удовлетворительны с точки зрения художественной и не раскрывали творческой индивидуальности писателя» [Боголюбов 1953: 10].

Сдвиг в творчестве писателя произошел в начале 80-х годов. В «Русских ведомостях» печатаются путевые очерки «От Урала до Москвы». Очерки «Золотуха» и «Бойцы» одобрены редактором «Отечественных записок» Салтыковым-Щедриным и напечатаны в 1883 году: «Недавно некто Мамин прислал прекраснейшие очерки золотопромышленности на Урале» [цит. по: Дергачев 1981: 45]. Очерки «заставляли читателя глубоко задуматься об участи народа, наделенного такими прекрасными качествами и так тяжело и безрадостно живущего» [Боголюбов 1953: 11]. В 1883 году в журнале «Дело» печатается первый значительный роман – «Приваловские миллионы», в 1884 году в «Отечественных записках» появляется роман «Горное гнездо», в 1885 году – роман «Хлеб». В 1890-е годы с выходом знаменитых «Алёнушкиных сказок» Мамин становится широко известным детским писателем.

В середине 80-х годов писатель уже был признан многими известными и передовыми органами печати: «Второе вхождение в литературу оказалось необыкновенно удачным, стремительным» [Дергачев 1981: 46]. Произведения писателя-уральца были встречены с интересом и вниманием, что свидетельствовало о появлении яркого и сильного таланта. С появлением двухтомного сборника «Уральские рассказы» (1888-1889) завершается период писательского самоутверждения Мамина-Сибиряка. Впервые критика заговорила об эстетическом своеобразии маминского стиля и этическом пафосе его творчества. Читателя его рассказов привлекло превосходное знание жизни: быта, труда, привычек, стереотипов поведения, склада чувствования и мыслей, свойственных выходцам из самых разных слоев пестрого уральского населения, умение лепить характеры пластично, рельефно, представляя их нередко в острых ситуациях, в драматических и трагических коллизиях. Своё отношение к творчеству Мамина-Сибиряка прекрасно выразил М. Горький: «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом, – это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам» [цит. по: Щенников 2000: 327].

Значение Мамина как общенационального художника, по верному замечанию О. В. Зырянова, состоит в том, что «он вернул Урал не только Уралу, но и России, в особенности вернул старое, древнерусское, исконное, что лежало в старом Урале» [Зырянов 2012: 7]. Однако парадоксальность изучения творчества Мамина-Сибиряка в XX веке заключалась в том, что его обширное наследие почти не было ни изучено, ни собрано, ни прокомментировано. Именно уральская земля, в частности Екатеринбург, стал отправной точкой в познании и изучении творчества Мамина-Сибиряка. Именно региональному литературоведению предстояло «высветить истинный масштаб творческого дарования Мамина-Сибиряка, раскрыть его роль и место в общероссийском литературном процессе» [Там же].

В 1941 году в УрГУ состоялась первая конференция, посвященная жизни и творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка, организаторами которой были П.П. Бажов и И.А. Дергачев, где велась обширная полемика вокруг фигуры писателя. Конференция внесла много нового в изучение творческого наследия писателя: выдвинута задача более серьезного, обстоятельного научного постижения произведений писателя; опровергнуты утверждения некоторых литературоведов о том, что писатель имеет лишь областное, местное значение [Приловская 2010: 463].

Одним из важнейших вопросов, требовавших серьезного осмысления, стала проблема творческого метода писателя. Сам Мамин определил направление своего творчества как «одухотворенный реализм» [Дергачев 1981: 228], поскольку к социально-бытовым проблемам примешивались вопросы национальной духовности, высоких человеческих страстей, греха и покаяния, совести и веры. Особое внимание Мамин уделял проблемам «нравственной свободы и волевой активности человека, в обязательном порядке подлежащие духовно-нравственной оценке и согласующиеся с идеей личностной ответственности, внутреннего совестного суда» [Зырянов 2012: 10].

Понятие «одухотворенного реализма» оказалось наиболее точным в характеристике художественных принципов Д. Н. Мамина-Сибиряка. Пер-

вым, кто обратил внимание на «одухотворенный реализм» Мамина, был И. А. Дергачев. По наблюдениям исследователя, для творчества писателя «характерно постоянное изменение авторского художественного сознания», что «делает трудным суммарное определение реалистического метода Мамина» [Дергачев 1981: 228].

Особенности реализма писателя проявляются, прежде всего, в принципах воплощения характеров героев. Многочисленные персонажи произведений писателя-уральяца показаны «изумительно рельефно и надолго запоминаются читателем» [Боголюбов 1953: 22]. Мамин-Сибиряк дает характеры в развитии, охватывающем события и людей в течение нескольких лет. Своеобразие психологизма писателя заключается в том, что «наблюдения Мамина значительно более тесно связаны с поведением человека, являются отражением той или иной ориентации персонажа в действительности, его действий» [Дергачев 1981: 90].

Исследователи не могли не заметить стилового своеобразия творчества писателя. Мамин-Сибиряк был прекрасным знатоком народного языка. Достоинство языка Мамина-Сибиряка состоит в его «особой непринужденности и естественной живописности», «в нем нет абстрактной и сухой книжности, языкового стандарта – от него веет вольным воздухом народной жизни» [Боголюбов 1953: 23]. В своем синтаксисе писатель не стремится к стилистической округленности, он ориентируется на живую, непринужденную речь, с естественными пропусками и сокращениями, с расчетом на дополняющий жест, мимику, ситуацию.

Маминские герои и события всегда прочно введены в широкий мир природы, они чувствуют себя частью природы, простора, стихии. Эстетическая функция природы у Мамина «по-особому освещает человека, открывает не только просторы горизонта, но и «пространство» личности»; человек, сливаясь с природой, «создает эстетический эффект приобщения к устойчивому, вечному, к сфере общезначимых ценностей» [Дергачев 1981: 143-144].

Признавая безусловную отнесенность писателя к социологическому течению русского реализма, исследователи понимают, что наряду с социально-историческим детерминизмом в творчестве Мамина просматриваются «романтические и народно-поэтические представления о добре и зле, силе и красоте, напрямую соотносящиеся с коллективным опытом русского народа», в центр выдвигается «духовно-религиозная аксиоматика, верность автора православно-христианской системе ценностей» [Зырянов 2012: 11].

Объектом нашего исследования стал роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», над которым писатель работал в течение десяти лет. Роман вобрал в себя важнейшие проблемы, волновавшие передовые круги современного русского общества. В нём отразился период бурного развития капитализма в России, воплотился новый слой русского общества, конфликт отцов и детей, буржуазные взаимоотношения, исключаящие какие-либо нравственные нормы.

В изучении «Приваловских миллионов» советские литературоведы, как правило, были сосредоточены на проблематике произведения. Так, Е. А. Боголюбов увидел в романе «острое обличение капиталистического стяжания, хищничества и разврата и одновременно разоблачение утопических попыток «доброе капиталиста» мирным путем улучшить действительность» [Боголюбов 1953: 14]. И. А. Дергачев писал: «В «Приваловских миллионах» герои погружены в жизнь, где абсолютно господствуют буржуазные отношения, проявляющиеся во всех сторонах действительности» [Дергачев 1981: 75]. Постепенно представление о романе углублялось. Г. К. Щенников уже говорит о том, что в романе широко представлена картина «повсеместного хищничества, авантюризма, продажности и разложения, ажиотажа алчности и наглости, соединивший в общей интриге интересы уральских дельцов и петербургских чиновников» [Щенников 2000: 317], о постановке проблемы вырождения национального характера, развращения человеческого духа, духовно-нравственных качеств.

Исследователи подходили к постановке проблемы жанрового своеобразия как первого романа, так и всей романистики писателя в целом. Жанровое своеобразие романистики писателя большинство ученых видит в становлении социального романа. При этом писатель не замыкает роман на социальной проблематике, усложняя содержание психологическими, философскими вопросами. И. А. Дергачев восклицает: «Сколько вопросов социальной жизни, личного поведения, нравственных дилемм поместилось на не столь большой площади «Приваловских миллионов!»» [Дергачев 1981: 89]. Своеобразие выражения авторской позиции в романе И. А. Дергачев видит в «народной оценке явлений, тесно сплетенной с авторскими оценками», в результате чего «во всем проявляется не только демократизм мировоззрения писателя, но и народный взгляд на вещи» [Там же].

В результате предпринятого обзора доступной литературы мы пришли к выводу о том, что постижение идейно-художественного своеобразия первого романа Мамина-Сибиряка, начало чему было положено советскими литературоведами, в современном литературоведении пополнилось лишь отдельными наблюдениями ученых над романом в работах общего характера (Ю. М. Проскурина, О. В. Зырянов, Е. К. Созина). Нами обнаружена единственная статья, специально посвященная «Приваловским миллионам», со свежим, хоть и не бесспорным, взглядом на роман, рассматривающая проблему социального мифотворчества в произведении (Л. М. Шайхинурова).

Актуальность нашего исследования определяется крайне малой степенью изученности романа «Приваловские миллионы» как и всего творчества писателя, необходимостью расширения и углубления современного научного представления о художественном новаторстве уральского писателя и его месте в большой литературе. Нами избран один из актуальных углов зрения на роман Д. Н. Мамина-Сибиряка – художественное своеобразие воплощения образа города. Прототипом уникального для своего времени образа уральского провинциального города, именуемого в разных произведениях писателя – Узел, Загорье, Заболотье, Пропадинск, Бужою, становится Екате-

ринбург. Сегодня екатеринбургский текст Д. Н. Мамина-Сибиряка по праву рассматривается как одна из важнейших составляющих уральского «сверхтекста» русской литературы.

Предмет данного исследования – образ уральского города в романе «Приваловские миллионы».

Цель выпускной квалификационной работы заключается в выявлении художественной специфики воплощения образа уральского провинциального города в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Задачи:

1. охарактеризовать существующее научное представление о городе как тексте, рассмотреть типологию городских сверхтекстов русской литературы;
2. определить специфику литературного образа провинциального города и, в частности, формирование литературного образа Екатеринбурга;
3. охарактеризовать замысел романа «Приваловские миллионы»;
4. выявить особенности пространства и времени «уездного городка Узла» в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка;
5. проанализировать специфику изображения провинциального общества в романе.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка целостного анализа художественных особенностей образа провинциального (уральского) города в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка. Данный подход к изучению романа позволяет углубить существующее научное представление о своеобразии творчества писателя, в том числе о вкладе Д. Н. Мамина-Сибиряка в формирование одного из важнейших топосных сверхтекстов русской литературы.

Методология исследования основана на сравнительно-историческом, системно-структурном методах, базируется на научных трудах отечественного маминоведения (И. А. Дергачев, Г. К. Щенников, О. В. Зырянов, Е. К. Солина, Л. М. Шайхинурова и др.), теоретических трудах, посвященных про-

блемам семиотики города и топосных сверхтекстов литературы (К. Линч, Н. П. Анциферов, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Н. Е. Меднис, В. В. Абашев, А. Е. Козлов и др.).

Практическая значимость работы состоит в необходимости внедрения в школьную практику материалов культурно-национального и краеведческого характера, способствующих формированию и развитию коммуникативной, языковой и культуроведческой компетенции. Материалы работы могут быть использованы при разработке школьных элективных курсов, посвященных изучению уральской литературы.

Апробация работы. Материалы исследования послужили основой для докладов на международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, УрГПУ: 2015, 2016) и последующих публикаций в сборниках научных трудов.

Структура работы состоит из введения, двух глав (с выделением параграфов), заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБРАЗ ГОРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ

Город как сложный, постоянно меняющийся продукт деятельности человека, всегда привлекал к себе внимание ученых. Являясь центром духовной и материальной культуры, местом переплетения социальных, политических, экономических отношений, город формировал облик человека, оставляя отпечаток на всех сферах его жизни. С античности город становился объектом осмысления. Ещё со времен Платона город в философских и художественных работах представал как своеобразная модель мира и позволял авторам «выразить идеи о человеческой природе, о возможности или недопустимости её исправления, о формах социального и общественного устройства» [Клочкова 2006: 3].

1.1. Город как текст, городские сверхтексты русской литературы

На сегодняшний день образу города посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей из разных научных областей: истории, географии, литературы, экономики, социологии, философии и др.

Обширное изучение пространства города началось в XIX веке и получило распространение в XX веке. Зарубежные исследователи особое внимание уделили «символике архитектуры и семиотике города (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ч. Дженкс, К. Линч и др.), были введены такие понятия, как «семиотика пространства» (Р. Барт), «текст, код, знак, синтаксис, семантика пространства архитектуры» (Ч. Дженкс), образ города (К. Линч), предложено определение архитектуры как пространства коммуникации, города как текста» [Деткова 2009: 63].

К. Линч в работе «Образ города» говорит о городе как об архитектурном произведении, постоянно изменяющемся в следствие перестройки городского пространства: улиц, зданий, кварталов. Город и его обитатели тесно взаимосвязаны: ведь «у всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные

с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями» [Линч 1982: 15]. Люди бесконечно формируют образ города: застройщики постоянно изменяют его структуру. Город превращается в «пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.) и являющееся знаковой средой обитания человека» [Деткова 2009: 63].

В отечественной науке о городе как особой семиотической сфере первым заговорил культуролог Н. П. Анциферов в своих работах «Душа Петербурга», «Книга о городе» и др. Главным героем большинства его работ стал Петербург. Учась, живя и работая в Петербурге, Анциферов восхищался этим городом, его огромным культурным наследием. Город для ученого – «целостный культурно-исторический организм». Поэтому изучение города – это не только историческое и культурное его познание, но и эстетически-нравственное впечатление и переживание, переживание «целостного образа, знакомство с “душой города”» [Анциферов 1991: URL]. В монографии «Душа Петербурга» Н. П. Анциферов осмысляет город как объединение материально-духовных ценностей, пытается постичь «душу» Петербурга, под которой понимает «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан)» [Анциферов 1991: URL].

В изучении образа города Анциферов значительно опирается и на творчество писателей. Так, в постижении Петербурга исследователь правомерно обращается, в первую очередь, к интерпретации города в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Особую роль в формировании образа северной столицы Анциферов отводит Достоевскому, посвятив ему отдельное исследование – «Петербург Достоевского». Ученый предлагает два типа анализа: «первый – прогулка по сохранившимся уголкам старого города, хорошо известным писателю и запечатленным в его произведениях, второй – “прохождение по следам героев Достоевского”». Второй тип

анализа – исследования топографического характера по роману «Преступление и наказание» «с целью разыскания адресов и маршрутов, необходимых для “наглядного комментария” к роману» [Анциферов 1991: URL].

Ученый огромное внимание уделяет топонимике города. Неотъемлемым аспектом в анализе образа города, по мнению Анциферова, является расшифровка городских названий: улиц, районов и т.д. Ученый говорит, что «через познание части мы приходим к познанию целого», а улица, район – это «своеобразный микрокосм городского организма, в котором заключено прошлое, отражается настоящее и проглядывает будущее города» [Анциферов 1991: URL].

В нашей отечественной науке представление о городе как тексте, семиосфере окончательно сложилось в работах известных представителей тартуско-московской «семиотической школы» – Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского и др. В качестве наиболее значимых для семиотики города понятий ученые выделили следующие: текст, миф и символ.

Ю. М. Лотман утверждает, что город это «сложный семиотический механизм, генератор культуры», представляющий «собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, <...>мощный генератор новой информации. <...> Город, как и культура, – механизм, противостоящий времени» [Лотман 1992: 13-14].

Другой представитель тартуско-московской школы В. Н. Топоров также понимает город «как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров 1995: 274]. Ученый говорит, что любой город имеет свой язык: язык районов, площадей, улиц, зданий, памятников, рек, островов, людей, живущих в городе, язык истории и культуры города.

На примере Петербурга Топоров показывает, что тексты, образующие городской текст, близки друг другу в разных описаниях города, они единообразны. Такое единообразие Топоров объясняет не только «обычными» харак-

теристиками города («климатическими, топографическими, пейзажно-ландшафтными, этнографически-бытовыми и культурными» [Топоров 1995: 278]), но и другими, более глубокими структурами – сакральными. Подобное единообразие отличает Петербургский текст от других текстов культуры. Монолитность городского текста держится на «единстве и цельности максимальной смысловой установки (идеи)» [Топоров 1995: 279].

По мнению В. Н. Топорова, неотъемлемой частью города и его образа является мифология. В частности, ученый прослеживает на разных уровнях мифопоэтичность Петербургского текста: от мифов и легенд, до мелких народных преданий.

Таким образом, в работах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и других исследователей тартуско-московской школы город рассматривается как текст и как механизм порождения текстов.

Исследователи городских текстов стремятся и к введению тех или иных типологий. Так, Лотман выделяет два вида города – концентрического и эксцентрического типа: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца - это "вечный город". Эксцентрический город расположен "на краю" культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза "земля/небо", а оппозиция "естественное/искусственное". Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею <...>. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели... » [Лотман 1992: 10]. Эти типы городов имеют свою образность, мифологию, систему ценностей и смыслов, свой язык описания.

Сегодня в качестве городских (шире – топосных) «сверхтекстов» рассматриваются «петербургский текст», «московский текст», «крымский», «сибирский», «алтайский», «уральский», «кавказский», «провинциальный текст»

и его разновидности – «пермский», «архангельский», «вятский», «челябинский» и др.

В сфере наших интересов – «провинциальный», а именно «екатеринбургский» текст.

1.2. Образ провинциального города в русской литературе

Изучение и осмысление провинциального топоса в русской литературе сегодня, как правило, связано с концепцией гипертекстовых и сверхтекстовых образований (на основе трудов Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Н. Е. Меднис, В. В. Абашева и др.). В этих работах, по словам А. Е. Козлова, «наблюдения над повествовательной структурой произведений, образующих тематическое единство, и выявление общих закономерностей, связанных с провинциальным топосом, позволили наряду с локальными текстами, обусловленными внетекстовой эмпирической действительностью, выделить провинциальный текст» [Козлов 2014: 5].

Специальные работы по изучению провинциального текста стали появляться относительно недавно. С 1990-х годов этой теме посвящены различные статьи, монографии, диссертации, проводятся конференции.

Особое значение в этом ряду приобретает работа В. В. Абашева «Пермь как текст» (2000). Вслед за предшественниками ученый исследует Пермь как текст и «Пермский текст», говоря о своей задаче следующее: «Эта книга – о Перми. Но не об истории города или края, а о Перми как месте жизни человека и феномене русской культуры: тексте в ряду других подобных ему синтетических текстов об исторических памятных и ставших символическими местах России – *петербургского, московского, сибирского, провинциального*». Абашева интересует Пермь не просто как город с его географическими и историческими чертами, а как «структурно-семантическое об-

разование, одна из категорий русской культуры, осмысливающая и город, и землю» [Абашев 2000: 5].

При анализе провинциальных текстов исследователи рассматривают тексты различного характера: «дневниковые записи провинциалов, <...> творчество малоизвестных провинциальных поэтов и писателей, в основном погруженных в локальные проблемы места своего проживания, <...> устные воспоминания, рассказы, заметки» [Клочкова 2006: 11].

Как правило, провинциальный текст рассматривается как «часть культурного пространства, границы которой определяются ее противопоставленностью столичному локусу» [Милюгина, Строганов 2012: 50]. Столица / провинция соотносятся по модели центр / периферия. Коннотации у слова «провинция» могут быть как положительными, так и отрицательными. Положительные – чистый воздух, природа, тишина, спокойствие, размеренность. Отрицательные коннотации – нищета, отсталость, скука, самоуправство.

В общем смысле провинция, а в частном – уезд, уездный, губернский город, характеризуется с разных сторон. Но преимущественно, оценки носят отрицательный характер: жизнь на периферии мелочна, однообразна, обыденна, подобна заточению, провинция – место непросвещенности, непримечательности и безысходности. Например, В. Г. Белинский пишет: «Провинциалы часто бывают очень смешны в своих отношениях к своим родным и знакомым. В маленьких городках жизнь однообразна, узка, мелка, все друг друга знают и если не враждуют между собою, то непременно пребывают в нежнейшей дружбе: средних отношений почти нет» [Белинский 1948: 814]. М. М. Бахтин замечает о характере провинциального времени: «Время лишено здесь поступательного хода <...> День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь <...> Это обыденно-житейское циклическое бытовое время. Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. <...> Это густое, липкое, ползущее в пространстве время» [Бахтин 1975: 396].

Ещё в XVIII веке общественный деятель, журналист Н. И. Новиков писал, что жители уезда – носители консервативной морали, противопоставля-

ются жителям столичных городов. Попадая в столицу, провинциал «1) начинает “мотать” и “дурить”, поддавшись влиянию столичных щеголей; 2) занимается самообразованием, “умножает свои добродетели”» [цит. по: Козлов 2014: 20]. В то же время провинциалы очень суеверные и необразованные и не любят столичную, просветительскую жизнь.

Позже отношение Новикова к провинции изменится, когда он будет сопоставлять её с заграницей. Уезды становятся олицетворением консервативной жизни и культуры, а большие, столичные города – чужим местом, далеким от национальных традиций.

Другой журналист Ф. А. Эмин сравнивает путешествие в провинцию с дорогой в царство мертвых. По словам Козлова, такое «изображение провинции как ада развивается в русской литературе XIX века и определяет один из доминантных вариантов парадигмы провинциального текста» [Там же: 24].

Провинциальные уездные города «несамостоятельны», как бы образцы столицы, для которых центр – пример жизни. Стоит вспомнить комедию Н. В. Гоголя «Ревизор», и в образе уездного города можно увидеть все эти черты. Ю. В. Манн, говоря об иносказательности уездного города, также рассматривал его в соотношении провинция /столица: «...маленький, относительно автономный и замкнутый социальный мирок, имитирующий жизнедеятельность других миров и как бы представляющий от их имени...» [Манн 1996: 392].

Замкнутость и изолированность провинции подчеркивается ещё одной особенностью в её описании – «конфиденциальностью». Так, в изданиях «Сатирического вестника» публициста Н. И. Стрехова не указывается ни год издания, ни месяц, ни день, ни автор. Таким образом он подчеркивает изолированность провинциального города, уезда и происходящих в этой местности событий. Сатирическая составляющая по отношению к провинции настолько доминирует, что названия уездов, городов криптографируются (В... уезд, Г... уезд и т.д.). Вообще, ещё в XVII веке в некоторых произведениях литературы для обозначения какого-либо абстрактного пространства, места действия ис-

пользовались слова уезд (уездный), а не конкретные названия. Исследователи предполагают, что такая неопределенность могла служить для акцентуации не подлинности места, либо для рефлексии читателя.

Долгое время провинциальный город в литературе предстает абстрактным, бесконтурным и безликим географическим пространством огромной России, в котором нет никакой организации и закономерности. Е. Н. Эртнер писала: «...провинция как “всероссийская щель” – это “общее место” русской литературы, необходимая банальность, как французские слова в русских романах, нечто не вызывающее вопросов, художественно незначимое, маргинальное» [Эртнер 2005: 44]. Эту мысль можно увидеть в рассказе П. И. Мельникова-Печерского «Медвежий угол»: «Не по торговым иль промышленным надобностям возникали наши Чубаровы... При учреждении губерний ткнули пальцем на карте, сказали: “быть городу”, и стал город» [цит. по: Козлов 2014: 74]. Впечатление, будто провинциальные города возникли совершенно случайно.

Особенности провинциальной жизни отражаются и на уровне сюжета произведений. По наблюдениям Козлова, в данном случае «действие не выходит из семейной сферы»: «Преобладающими типами являются: мать семейства, выдающая дочерей за первых попавшихся соискателей; добряк отец, ни во что не входящий, покоряющийся безусловно воле супруги и оплакивающий судьбу дочерей; тип сынка, обезличенного и доведенного до последней степени идиотизма; ряд молодых девушек и старых дев, ищущих любви и участия в людях» [Там же: 69].

Исследователи зачастую стремятся классифицировать образы героев-провинциалов: провинциал в Петербурге, провинциал простак, провинциал-трикстер, провинциал-зритель, провинциал-авантюрист и др.

Произведения, описываемые в них события, персонажи играют немаловажную роль в появлении стереотипов о провинции. Например, сюжет комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина закрепляет в сознании образ скудоумного провинциала и в целом образ провинциального мышления. А «исполь-

зование многочисленных зооморфных метафор, образ Скотининых, свинские нравы и даже «любовь к этим благородным животным» вместе с письмом-эпитафией Тараса Скотинина, – делают провинцию объектом языковой рефлексии» [Козлов 2014: 34].

Пространственный образ провинции определяет национальные черты, менталитет провинциального человека. Специфика провинциального характера напрямую связана с географическим пространством. «Глухая Россия» сформировала «широту и распахнутость, открытость русской души, ее очень существенную черту – созерцательность» [Пыхтина 2011: 50]. Наравне с широтой и простотой в характере провинциального человека проявился и «экстенсивный» уклад жизни. Отсюда, в произведениях литературы герои из провинции изображаются до абсурдности простыми и открытыми, ленивыми и скудоумными, добрыми и жестокими, погрязшими в однообразной провинциальной жизни и житейских делах, но, порой, амбициозными людьми.

Отсюда и многообразие провинциальных сюжетов: семейные проблемы, отношения между властью и имущими и простым народом, уездное судопроизводство, провинциальные ярмарки и др. Во многих произведениях – рефлексия провинциального быта, культуры, жизни. Даже небольшое упоминание о провинции и её жителях позволяет увидеть контраст между провинциальной глушью и столицей.

Жизнь на периферии изображали в своих произведениях многие писатели – Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, В. А. Соллогуб, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, А. П. Чехов и др.

Например, характерные черты провинциального города показывает И. А. Гончаров в романе «Обрыв»: «Он не то умер, не то уснул или задумался. Растворенные окна зияли, как разверстые, но не говорящие уста; нет дыхания, не бьется пульс. Куда же убежала жизнь? Где глаза и язык у этого лежащего тела? Все пестро, зелено, и все молчит» [Гончаров 2004: 182].

В некоторых произведениях А. П. Чехова провинциальный город, по наблюдениям Козлова, «представляет фельетонный и неизменный мир, за-

ключенный в круг повторяющихся и узнаваемых событий. Обретаясь между Понтом и Соловками, провинция Чехова простирается от красного пруда до калужских ворот, так что конца краю не видно. При этом уездный город на географической карте даже под телескопом не увидишь» [Козлов 2014: 170].

О своеобразии провинциального текста и образа провинции в русской литературе классического периода писал Р. Казари. По его словам, литературный образ провинциального города «со всеми его вариантами, составляет определенную систему, имеющую в качестве основной исходной точки образ города N из “Мертвых душ” Гоголя. <...> Это сборный город, сам по себе метафоричный и символический: микрокосмос, содержащий в себе все характеристики макрокосмоса» [Казари 2000: 164]. В поэме «нашли отражения прецедентные тексты предшествующего периода, и, более того, произошла “культурная регуляция” сложившейся традиции, в результате чего образы и мотивы, не релевантные провинциальному городу N, оказались на литературной периферии» [Козлов 2014: 65].

Новые характерные черты в образе провинциального города появляются в произведениях второй половины XIX века. Провинция громко заявляет о себе на всю страну во времена бурного развития промышленности и капитализма. В творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка мы находим уникальный для своего времени образ провинциального уральского города – Екатеринбурга.

1.3. Формирование литературного образа Екатеринбурга

До произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка художественных текстов о Екатеринбурге практически не было. Поэтому в период отсутствия художественных произведений о городе большое значение для формирования образа раннего Екатеринбурга приобретают различные материалы информативных и документальных текстов (записок, заметок, докладов и т.д.). Большею частью, это тенденциозные и субъективные тексты основателей, промышленников, туристов, ученых, разных деятелей искусства.

Екатеринбург был основан в 1723 году «как город-завод и воплотил в себе характерные черты подобного поселения: суровый, практически военный режим, долгое время существовавший в городе, длительное отсутствие культурных центров (театров, музеев и т.д.), ориентация городского населения на производство (в составе городского населения долгое время элиту составляли горные инженеры)» [Клочкова 2006: 24].

Первые упоминания о Екатеринбурге можно найти в деловых и информативных письменных источниках. В них сообщалось всё, что касалось строительства завода и развития города.

Просветительские тексты Екатеринбурга связаны с именем В. Н. Татищева. Являясь «отцом-основателем» (так же, как и В. И. де Геннин), Татищев сыграл огромную роль в развитии Екатеринбурга. Татищевский труд «Наказ» служил «образцом для дальнейшей разработки местного законодательства и обладал значением публицистического выступления, декларируя систему взглядов просветителей» [Там же: 26].

В документе В. И. де Геннина «Абрисами» подробно описывается рождение города-завода со всеми его объектами: от плотины через реку Исеть, до бани. Подобное выделение каждого элемента пространства, описание структурных особенностей позволяет говорить о городе как о семиотической модели.

В документальных источниках, с одной стороны, высоко оценивается характер устройства города, заводского дела, состояние фабрик и производства. Вызывает одобрение и внутренняя жизнь города: условия проживания рабочих, наличие социальных благ. Значительное внимание уделяется и природе Урала, её великолепию. Но, с другой стороны, жизнь в Екатеринбурге предстает суровой и аскетичной: жестокие правила, не менее жестокие меры при нарушениях порядка (наказания, казни).

В текстах конца XVIII начала XIX века и более позднего времени Екатеринбург – город живой и яркий, промышленный центр. По наблюдениям Ю. В. Клочковой, путешественники «оказываются в городе почти европей-

ского уровня, где встречаются не только технические заводские новинки, монетный двор, гранильную фабрику – важнейшие городские объекты, но и особый состав населения: деловитых мастеровых, состоятельных купцов, городскую знать» [Клочкова 2006: 36]. Для них Екатеринбург – практически столичный город. Во многих текстах подчеркивается этот статус Екатеринбурга: «Наружность города очень красива и приятна, и, несмотря на некоторые странности, напоминает богатые мануфактурные города европейского запада. Великолепные каменные палаты многих здешних купцов не испортили бы иной европейской столицы. <...> Екатеринбург, расположенный на самом высоком месте Уральского хребта, на пороге сумрачной и холодной Сибири, наполовину в Европе и наполовину в Азии, поражает воображение всякого. Такой город сделал бы честь любой стране Европы и Америки» [Там же: 37].

Такое отношение к городу объясняется несколькими факторами: нахождение города-завода в непосредственной близости к горам Уральского хребта (чем и вызывает интерес и внимание ученых), к европейско-азиатской границе (негласно считается «воротами» в Азию); монетный двор, огромное количество полезных ископаемых, их обработка и производство (в т.ч. золота); минералы становятся знаком Екатеринбурга. Живой, яркий, богатый, благоустроенный, непрерывно развивающийся город Екатеринбург становится неофициальной столицей Урала.

В заметках второй половины XIX века отношение к Екатеринбургу меняется – для многих это провинция: «Если раньше сюда ехали с целью изучения далекого и богатого края, ознакомления с передовыми промышленными технологиями, с ощущением, что Екатеринбург – это ворота в «другую жизнь», не похожую на жизнь центральной России, то теперь город становится элементом российского мира и легко вписывается в матрицу описания российских провинциальных городов» [Там же: 45].

Признаки провинции проявляются во всём: всюду спокойная, унылая, монотонная, бездвижная жизнь. Отмечается убогость и неполноценность го-

рода. Уровень производства понижается. Екатеринбург становится безликим, ничем не отличающимся от других провинциальных городов: «спит Урал, спит и его столица. Мало того, столица его и просыпаться не хочет» [Клочкова 2006: 46].

Несмотря на своеобразную провинциальность Екатеринбург в конце XIX века продолжает развиваться и производить сильное впечатление на приезжих. Вновь в заметках появляются описания бурной и оживленной жизни Екатеринбурга. Наличие культурных благ объясняется тем, что горожане – богатые люди: «Заводчики, владельцы копий и рудников, приезжие золотопромышленники из Сибири, инженеры» [Там же: 47].

По новому Урал открывается в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Наиболее полно и ярко художественный образ губернской Перми, Тюмени и уездного Екатеринбурга создает писатель в своих произведениях. Больше всего Дмитрий Наркисович восхищался Екатеринбургом и даже «характеризовал его не только промышленным, но и умственным центром Урала» [Митрофанова 2008: 130]. Более того, у Мамина Екатеринбург предстает столицей не только Урала, но и западной Сибири.

Образ Екатеринбурга писатель рисует во многих произведениях: в очерках «От Урала до Москвы», «Письма с Урала», «Путевые заметки – от Зауралья до Волги», в образах Загорья – «Доброе старое время», «Верный раб», Заболотья – рассказ «Сибирские орлы», в романе «Приваловские миллионы», историческом очерке «Город Екатеринбург» и многих др. Это бойкий, крупный, торговый и культурно-промышленный центр.

Екатеринбург для писателя – индивидуальный город, особенный, в силу причины и места своего появления, совершенно непохожий на другие города России: он несёт «в себе совершенно своеобразный отпечаток, точно на нем отразились гениальные замыслы великого царя-преобразователя» [Мамин-Сибиряк 1951: URL].

В рассказах, очерках и романах писателя названия вымышленных городов, напоминающих Екатеринбург, очень разнообразны: «Узел», «Заго-

рье», «Заболотье», «Пропадинск», «Бужоем» и др. «Говорящие псевдонимы» позволили Мамину с разных сторон взглянуть на образ города. «Многоликий Екатеринбург» соединяет в себе «воедино образ города, обладающего особой энергией, в котором, как в живом узле, завязаны самые разнообразные интересы, судьбы, надежды и глухой провинции, способной своим обмельчавшим, тоскливым существованием, беспросветной грязью и унынием задуть все проявления живой мысли» [Клочкова 2006: 66].

В образе Екатеринбурга и в описании городской жизни, по наблюдениям Ю. В. Клочковой, «можно увидеть весь спектр провинциальных коннотаций: от “богатого природного края” и “живого узла материального существования” (Сосногорск, Загорье, Узел), до “глухого угла” и “пропащего места” (Пропадинск, Бужоем)» [Там же: 67].

Структурные части городского текста Мамина-Сибиряка, будь то улицы, здания, дворы, элементы разнообразной архитектуры, жители и др., являются частями провинциальной, городской мифологии: дома, имеющие собственную «физиономию» прошлого и настоящего, характерные черты провинции – грязь, глушь, нищета, баснословное богатство, заводы, «поработившие» людей, деньги, словно лакмусовая бумажка, определяющие «качество» человека и т.д.

Пространство и характер Уральского края и Екатеринбурга объясняет менталитет живущих здесь людей. Огромный и богатый регион порождает свою систему ценностей, в основном касающуюся идеи о безбедном существовании, чувства собственного достоинства и достижения, свободы и независимости, твердости и амбициозности. Следовательно, народ здесь очень живой и «пёстрый»: от трудолюбивых и деловых, до хитрых и лицемерных. Идея мгновенного обогащения охватывает все слои населения и превращает обычных людей в настоящих «воротил», «дельцов», «самодуров» и промышленников капиталистического мира. Екатеринбург в произведениях Мамина-Сибиряка – обитель золотопромышленности и заводского дела, полотно российского размаха, город обогащения или разрушения.

На основе творчества писателя, его произведений, в которых отражен целый пласт истории и культуры Урала XIX века, можно выделить «сверхтекст, имеющий локальную привязанность к Уралу, что объясняет наличие основных бинарных оппозиций, структурирующих художественное пространство отдельных текстов писателя» [Девятайкина 2008: 75].

Екатеринбургский текст Д. Н. Мамина-Сибиряка становится важнейшей составляющей уральского «сверхтекста» русской литературы.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ «УЕЗДНОГО ГОРОДКА УЗЛА, ЗАБРОШЕННОГО ВГЛУБЬ УРАЛЬСКИХ ГОР» В РОМАНЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

2.1. Замысел романа «Приваловские миллионы»

Изначально роман, с названием «Каменный пояс» задумывался как трехтомное произведение о главных эпохах уральской жизни. Писатель хотел отразить события с XVIII по XIX век, развернувшиеся на Урале – «от появления первых заводов и сильных, но жестоких их основателей-“фундаторов” до восстания рабочих, поддержавших Пугачева; затем о золотой лихорадке, охватившей Урал в сороковые годы XIX века, и, наконец, роман о последнем представителе некогда сильного рода, прошедшего и взлет, и падение» [Дергачев 1981: 73]. Работа над эпопеей из уральской жизни длилась в течение десяти лет. Соответственно содержанию менялись и заголовки: «Каменный пояс», «Семья Бахаревых», Сергей Привалов», «Последний из Приваловых», а главный герой Сергей Привалов «то являлся просто состоятельным человеком, то даже агентом английской фирмы по перепродаже русского хлеба за границу. Лишь в окончательной редакции («Приваловские миллионы») он стал потомственным наследником Шатровских заводов, последним представителем некогда очень известной на Урале семьи промышленников Приваловых» [Стариков 1981: URL]. Постепенно роман превращался из семейной хроники в социальный.

В основу романа легли истории, события, факты уральской промышленности и судьбы ее известных представителей.

Автор опирается на реальную историю об опеке Кыштымских заводов, воспоминания об уральских золотопромышленниках – Зотовых, Харитоновых, Рязановых, детали громкого дела наследников Сергинско-Уфалейских заводов. Мамина привлекла типичная для своего времени ситуация: наследники заводов становятся жертвами махинаций их отчима, заводы передаются

в руки казенного управления; управляющий заводами бежит за границу, прихватив с собой большую сумму чужих денег; завершается история продаж заводов акционерной компании (как и произойдет в романе).

Кыштымские заводы были основаны в 1757 году Демидовым Никитой Никитичем. Позже эти заводы были выкуплены корыстолюбивым купцом – Львом Ивановичем Расторгуевым. Стоит отметить, что у Льва Ивановича было две дочери: одна вышла замуж за сына приказчика Верх-Исетскими заводами Григория Федотовича Зотова, вторая за Петра Яковлевича Харитонов. Расторгуев был скверным заводчиком: повсюду воровство приказчиков и притеснения рабочих. В 1823 году на заводах Расторгуева произошло восстание. С большим трудом удалось принудить рабочих к повиновению. Не пережив этого, Расторгуев умер. Заводы перешли его дочерям. Они решили поручить управление заводами Григорию Федотовичу Зотову, зятю младшей дочери. В очерке «Город Екатеринбург» Д. Н. Мамин-Сибиряк пишет: «Кыштымские заводы находились в расстроеном виде, и Григорий Зотов принадлежал на них с родственным усердием. Результатом этого явились беспорядки в среде заводских рабочих и целый ряд бесплодных следствий» [Мамин-Сибиряк 1951: URL]. В 1826 году для расследования в Екатеринбург прибыл граф Строганов. Итогом расследования стал арест Зотова, а позднее – ссылка в Финляндию. Также был сослан и П. Я. Харитонов, «совсем неповинный в зотовских злодействах, но пострадавший как ответственное по заводам лицо» [Там же].

В 1830-ые годы Екатеринбург вновь прогремел на весь свет, когда екатеринбургские промышленники добрались до сибирского золота. Мамин-Сибиряк писал: «Это было удивительное, сказочное время, выдвинувшее целый ряд богатырей» [Там же]. Такими «богатырями» были Аника Терентьевич Рязанов и Тит Поликарпович Зотов, приходившийся племянником вышеупомянутому Григорию Федотовичу Зотову. Тит Поликарпович Зотов, король золотого дела, сумел в течение десяти лет добыть золота больше 30 миллионов рублей. Вскоре он «развернулся во всю неистовую ширь русской

натуры, и каждая копейка запела у него петухом» [Мамин-Сибиряк 1951: URL], превращая его в самодура. Своего зенита беспримерная жизнь екатеринбургских «набобов» достигла в момент слияния двух фамилий – Зотовых и Рязановых, когда сын Т. Зотова женился на дочери А. Н. Рязанова и свадьба длилась целый год.

Екатеринбургское общество дало Мамину богатейший материал для изображения таких колоритных фигур, как Бахарев, Ляховский, Половодов, Веревкин. В Гуляеве и Бахарева, по наблюдениям И.А. Дергачева, «сплетены биографии екатеринбургских золотопромышленников Аники Рязанова и Льва Расторгуева», а в старшем Привалове узнаваемы черты миллионера Тита Зотова [Дергачев 1981: 74]. Все эти реальные факты стали для писателя жизненной почвой в развитии повествования романа «Приваловские миллионы».

2.2. Пространственно-временные параметры провинциального мира романа

Основное действие романа происходит во времена бурного развития капитализма в «уездном городке Узле, заброшенном в глубь Уральских гор» [Мамин-Сибиряк 1958: 7]¹, прототипом которого стал Екатеринбург.

Имя города Узел, придуманное писателем, имеет говорящий характер. Это название позже было прокомментировано Маминым в эпиграфе очерка «Город Екатеринбург»: «Город есть живой узел разнообразных народных связей и отношений; он на самом деле является как бы сердцем той страны, где возникает и вырастает» [Мамин-Сибиряк 1951: URL]. Символическое название топоса уже само по себе содержит черты провинциального города.

Екатеринбург стал прототипом Узла не случайно. Мамин-Сибиряк большую часть жизни прожил в «столице Урала» и любил её. Екатеринбург, как центр промышленности, стал идеальным образом города капиталистиче-

---

¹Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

ской эпохи и был уникальным топосом России: «В пестрой среде русских городов Екатеринбург является действительно “живым узлом”, особенно по сравнению с другими городами, историческая роль которых, как сторожевых, военных или торговых пунктов, давно кончилась» [Мамин-Сибиряк 1951: URL].

В романе город соответствует своему имени. Все свойства провинциального пространства, элементы социальной и культурной жизни, актуальные стороны действительности соединяются в крепкий узел, образуя бойкий город с недолгим, но насыщенным историческим прошлым и не менее насыщенным настоящим.

Большое внимание писатель уделяет описанию быта, «узловской» жизни, заводскому пространству. В повествование включаются отдельные описания улиц, домов, особняков, подробно отражаются элементы повседневной жизни, домашнего уклада, социальной среды. С тщательной прорисовкой Мамин-Сибиряк изображает дом Бахаревых, Гуляевский особняк (в котором угадывается усадьба Расторгуевых-Харитоновых в Екатеринбурге), Ирбитскую ярмарку, балы, приемы и т.д.

Несмотря на отсутствие детальной прорисовки в описании города, целостное представление о нем формируется и художественно воплощается через оппозиции: столица / провинция, родина / чужбина, консервативность / новизна, деятельность / растрачивание жизни и т.д. Повествование насыщено духом города, поэтому «пространство городской среды воспринимается не только как место действия, но и как самостоятельный персонаж» [Клочкова 2006: 88].

Город Узел несет в себе целый ряд необходимых признаков провинциального существования: все друг друга знают, знают социальные статусы каждого («Половодов пользовался в Узле репутацией дельца самой последней формации и слыл после Веревкина лучшим оратором» (99)), неотъемлемой частью жизни общества являются визиты («Известно, что провинциальная жизнь всецело зиждется на визитах» (63)), узкий круг обывательских по-

требностей соответствует стереотипам изображения провинциальных городов («вино, карты, “скандалы в местном клубе”, “стоустая молва”, жадность к деньгам, охота на женихов и т.п.» [Клочкова 2006: 90]).

Мамин-Сибиряк создает в романе вполне узнаваемый образ провинциального мира, где читатель может проследить «весь комплекс уже устоявшихся провинциальных сюжетов и собственно авторские представления об уральском уездном городе и его проблемах» [Там же]. Согласно литературной модели провинциального текста, до приезда главного героя Узел находится «в состоянии эпической неподвижности» [Козлов 2014: 81]. Появление Привалова необычайно оживляет однообразную, бессобытийную жизнь провинциалов: «— Приехал... барыня, приехал! — задыхавшимся голосом прошептала горничная Матрешка, вбегая в спальню Хионии Алексеевны Заплатиной. — Вчера ночью приехал...»; «Матрена, голубчик, беги сейчас же к Агриппине Филиппьевне...— торопливо говорила Заплатина своей горничной. — Да постой... Скажи ей только одно слово: “приехал”. Понимаешь?.. Да ради бога, скорее...» (5). Этот «экстренный случай» сразу же привносит в атмосферу города суматоху и хлопоты.

Значение имени города угадывается и в отношениях провинциального общества, в событиях, связанных с его представителями, и в истории Урала в целом. Главный герой романа Сергей Привалов пытается разобраться с «узлом» проблем, завязанным его предками. Дергая за ниточки, Привалов выводит из обыденности и однообразия провинциальный город. Образ узла, который окутывает человека нитями материального существования, становится центральным в изображении эпохи капитализма.

Как мы уже заметили, приезд Привалова создает в городе массовый переполох. «Миллионер» — словно «тот “камень”, который всколыхнул ровную гладь провинциального “болота”» [Шайхинурова 2002: 53]. Переворот становится первым актом узловского «карнавала», в центре которого оказывается главный герой. Согласно М. М. Бахтину, «карнавал не созерцают, — в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал

совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной» [Бахтин 1990: 12]. Едина и «карнавализация сознания» (В. Ф. Кормер). Под «карнавализацией сознания» Л. М. Шайхинова понимает «амбивалентность, двойственность, одновременное приятие “разноэтажных” ценностей» [Шайхинова 2002: 53]. Именно карнавализация стала реальностью романа, отменила свободу, иерархию, нормы и утвердила равенство перед богатством.

Для узловского «карнавала» в романе характерно состояние хаоса, в разных сферах: социальной, нравственной, любовной, политической. В разной степени источниками хаоса являются практически все герои романа. Привалов, сам того не желая, становится источником неразберихи и смуты, окутавшей Узел. «Козырные тузы» в лице Половодова и Ляховского примеряют на себя главные роли, словно в театре. Остальные представители узловского «бомонда» (Хиония Алексеевна, Оскар Шпигель, семейство Веревкиных, Зося Ляховская, Антонида Ивановна) не меньше других добавляют «остроты» в этот маскарад.

Так, например, феномен карнавала наиболее узнаваем в монологах Заплатиной: «Отчего же он не остановился у Бахаревых? Видно, себе на уме... Все-таки сейчас поеду к Бахаревым. Нужно предупредить Марию Степановну... Вот и партия Nadine. Точно с неба жених свалился! Этакое счастье этим богачам: своих денег не знают куда девать, а тут, как снег на голову, зять миллионер...» (6); «Я как услышала, что Привалов приехал, так сейчас же и перекрестилась: вот, думаю, господь какого жениха Nadine послал... Ей-богу! А сама плачу...» (15); «А там женишок-то кому еще достанется, – думала про себя Хиония Алексеевна, припоминая свои обещания Марье Степановне. – Уж очень Nadine ваша нос кверху задирает. Не велика в перьях птица: хороша дочка Аннушка, да хвалит только мать да бабушка! Конечно, Ляховский гордец и кашей, а если взять Зосю, – вот эта, по-моему, так действительно невеста: всем взяла... Да-с!.. Не чета гордячке Nadine...» (50-51); «Ах, если бы вы только видели, Агриппина Филиппевна! – закатывая глаза, шептала Хиония Алексеевна. – Ведь всему же на свете бывают границы... Мне просто

гадко смотреть на все, что делается у Бахаревых! Эта Nadine с первого раза вешается на шею Привалову... А старики? Вы бы только посмотрели, как они ухаживают за Приваловым. Куда вся гордость девалась!» (76).

О городе Узле, как о театральном и карнавальном пространстве также писала Л. П. Щенникова: «Шекспировская метафора «Весь мир – театр...» вполне применима к тексту произведения, мир которого живет по законам непредсказуемости и парадокса, в ежеминутном драматизме и даже трагизме реальности» [Щенникова 2006: 254]. Принцип театральности достиг своего апогея, когда Катерина Колпакова была убита Виктором Бахаревым во время ярмарки в Ирбите: «Привалов остался и побрел в дальний конец сцены, чтобы не встретиться с Половодовым, который торопливо бежал в уборную вместе с Давидом. Теперь маленькая грязная и холодная уборная служила продолжением» театральной сцены, и публика с такой же жадностью лезла смотреть на последнюю агонию умиравшей певицы, как давеча любовалась ее полными икрами и бесстыдными жестами.<...> Комедия жизни неожиданно перешла в драму...<...> Рука смерти наложила свою печать на безобразную человеческую оргию» (323-324). Следует подчеркнуть, что, по мнению Л. П. Щенниковой, «писатель использует художественные приемы, характеризующие его тяготение к драматургическо-сценическому принципу композиции» [Щенникова 2006: 254].

Тема сватовства – одна из основных особенностей уездной жизни, часто появляющаяся в провинциальных сюжетах. Сергей Привалов интересен узловскому обществу не только как миллионер и наследник, но и как жених: «Воображаю: у Ляховского дочь, у Половодова сестра, у Веревкиных дочь, у Бахаревых целых две... Вот извольте тут разделить между ними одного жениха!..» (6). Провинциальность Узла ощутима в оценке окружающими Привалова, приезжающего из столицы: «Приехал человек из Петербурга, — да он и смотреть-то на ваших невест не хочет! Этакого осетра женить... Тьфу!..» (6).

Помимо темы сватовства, в романе обнаруживается большой спектр провинциальных сюжетов. Здесь и возвращение сына домой. И жена, имеющая власть над мужем: «— Мне нужно посоветоваться с мужем, — обыкновенно говорила Хиония Алексеевна, когда дело касалось чего-нибудь серьезного.— Он не любит, чтобы я делала что-нибудь без его позволения... Это, конечно, были только условные фразы, которые имели целью придать вес Виктору Николаичу, не больше того. Советов никаких не происходило, кроме легкой супружеской перебранки с похмелья или к ненастной погоде. Виктор Николаич и не желал вмешиваться в дела своей жены» (9-10). И сынок, отбившийся от рук: «Вместе с годами из детских шалостей выросли крупные недостатки, и Виктор Васильич больше не просил у матери прощения...<...> Выгнанный из третьего класса гимназии, он оставался без определенных занятий, и Василий Назарыч давно махнул на него рукой» (45). И молодые самодовольные девушки, ищущие любви, в лице Зоси Ляховской и Антонида Ивановны.

Стоит заметить, что «шумиха», вызванная приездом Сергея Привалова в Узел — важная примета именно провинциальной жизни, свойственная провинциальным сюжетам литературы. Фигура Привалова становится объектом огромного множества слухов, сплетен, легенд, баек, заполняющих город: «Приезд Привалова в уездный город Узел сделался событием дня, о котором говорили все, решительно все. Стоустая молва разнесла целую массу подробностей о его появлении в Узле, о каждом его шаге, каждом слове. <...> ...сложилась почти чудовищная легенда, где быль вязалась с небылицами, ложь с действительностью, вымысел и фантазия с именами живых людей» (47). Порожденный провинциальным пространством мотив молвы усиливается мотивом скандала, связанным с наследством, который «приводит в чувство» город.

По замечанию Л. М. Шайхинуровой, в «Приваловских миллионах» «социальное мифотворчество явилось своеобразным «продуктом» социального хронотопа. Сосуществующий одновременно с физическим и духовным

временем-пространством социальный хронотоп явился одним из ведущих в этом произведении в силу специфики его содержания – преобладания социальной проблематики» [Шайхинурова 2002: 42].

На общем фоне пространства обывательской жизни Узла выделяется дом семьи Бахаревых, хранителей добрых патриархальных традиций прошлого. Консерватизм, являющийся неотъемлемой чертой старших Бахаревых, – неотъемлемая черта провинциального мира: «...атмосфера довольства, которая стояла в этом доме испокон веку» (11); «Эта жизнь являлась сколком с той жизни, которая когда-то происходила в хоромах Павла Михайлыча Гуляева. Марья Степановна свято блюла все свичаи и обычаи, правила и обряды, которые вынесла из гуляевского дома; ей казалось святотатством переступить хотя одну йоту из заветов этой угасшей семьи, служившей в течение века самым крепким оплотом древнего благочестия. Гуляевский дух еще жил в бахаревском доме, им держался весь строй семьи и, по-видимому, вливал в нее новые силы в затруднительных случаях» (43).

Образ дома Бахаревых предстает идиллическим хронотопом романа. Согласно Бахтину, «идиллическая жизнь и ее события неотделимы от конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, где будут жить дети и внуки» [Бахтин 1975: 374]. Приметы идиллического мира мы видим во всем устройстве жизни Бахаревых: семейный дом, со своими порядками, «режим дня», отношение родителей и детей.

В основе романа, как провинциального, лежит «основной принцип областничества в литературе – неразрывная вековая связь процесса жизни поколений с ограниченной локальностью – повторяет чисто идиллическое отношение времени к пространству, идиллическое единство места всего жизненного процесса» [Там же: 377].

Но идиллический мир начинает разрушаться, начинают ломаться принципы, устои, традиции. Разрушение идиллии становится особенно очевидным с момента приезда Сергея Привалова. Привалов – это «герой, отрывающийся от локальной целостности, уходящий в город и либо погибающий, ли-

бо возвращающийся как блудный сын в родную целостность», изображенный человеком нового времени, стоящим на «современной ступени развития общества и сознания» [Бахтин 1975: 379].

Противопоставление в провинциальном пространстве «старого и нового» позволяет Мамину-Сибиряку по-своему поставить проблему «отцов и детей». Писателя волнует превращение «города сильных личностей, деятельных, энергичных людей в город сомнительных дельцов, хищников и авантюристов» [Клочкова 2006: 92]. Провинциальный мир, изображенный в переломную эпоху, в эпоху повсеместного капиталистического хищничества, разрушается как картонный домик: рушатся устои и традиции прошлого, веяния нового времени словно ураган врываются во все сферы традиционной жизни, новые типы деловых людей диктуют свои законы, оттого будущее не кажется светлым и счастливым.

Мир, изображенный писателем, становится лицом не только Урала, но и всей страны. Социальные процессы позволяют понять суть чудовищной действительности провинциального городка Узла и стоящей за ним России.

2.3. Провинциальное общество в романе

В «Приваловских миллионах» Шатровские заводы, по замыслу автора, также были построены ещё в XVIII веке. Заводы приносили своим владельцам Приваловым огромные доходы. Из-за расточительности и халатности последних из династии Приваловых заводы стали разрушаться и чуть не были проданы. Но Александр Привалов сумел поправить положение, женившись на дочери известного богача-золотопромышленника Павла Михайлыча Гуляева, который, не любя своего зятя, всё же с глубоким уважением относился к его фамилии. После смерти Павла Михайловича, Александр Привалов принял всё хозяйство на себя. Доходы ещё больше возросли благодаря золотым приискам. Однако отец Сергея Привалова, живя на широкую ногу, растратил богатства: «Беспримерное чудовищное богатство Привалова со-

здало жизнь баснословную в летописях Урала. Этот магнат-золотопромышленник, как какой-то французский король, готов был платить десятки тысяч за всякое новое удовольствие, которое могло бы хоть на время оживить притупленные нервы. <...> С утра до ночи в приваловских палатах стоял пир горой, и в этом разливном море угощались званый и незваный. Какой-то дикий разгул овладел всеми: на целые десятки верст дорога устилается красным сукном, чтобы только проехать по ней пьяной компании на бешеных тройках; лошадей не только опоят, но даже моют шампанским; бесчисленные гости располагаются как у себя дома, и их угощают целым гаремом из крепостных красавиц» (40-41). Не выдержав такой жизни, мать Сергея Привалова сошла с ума и умерла. Вскоре Привалов «окончательно задурил, и его дом превратился в какой-то ад: ночью шли оргии, а днем лилась кровь крепостных крестьян, и далеко разносились их стоны и крики» (42). После смерти отца Сергея Привалова Шатровские заводы попали в руки опекунов – Ляховского и Половодова. А Василий Бахарев взял на себя заботу и воспитание Сергея и вошел в число его опекунов.

2.3.1. Мир старинной раскольничьей семьи золотопромышленника

Василия Бахарева

В «Приваловских миллионах» Мамин-Сибиряк обратил закономерное внимание на фундаторов, которые закладывали основы промышленности на Урале, и на их слабых, жестоких, безвольных потомков. Основатели, вышедшие из трудовых низов, такие как старик Гуляев, незаурядным умом, силой, волей, огромной энергией прокладывали себе дорогу. Таким был и Василий Бахарев.

Василий Бахарев, выросший и воспитанный по раскольничьим законам, получил в «гнезде» Гуляева «вместе с кровом и родительской лаской тот особенный закал» (37), которым резко отличался от всех других людей. В Бахареве нашли своё продолжение основные черты гуляевского характера –

выдержка, энергия, сила воли, преданность старой вере. Став правой рукой Гуляева, он исколесил всю Сибирь, научившись у Гуляева золотопромышленному делу. Также по велению Павла Михайлыча состоялся его брак с Марьей Степановной, тоже выросшей в гуляевском доме. Бахарев, открыв уже своё дело, стал удачным и богатым золотопромышленником.

На первый взгляд, мир раскольничьей семьи Василия Бахарева построен по тому же принципу, как и в гуляевском доме. Бахаревский дом – олицетворение мирной и уютной жизни. Жители Узла «с завистью заглядывали в окна <...>, где всё дышало полным довольством и тихим семейным счастьем» (10). Монументальность, деловитость, граничившая с изысканностью и роскошью, подчеркивается внешним видом дома, в «физиономии» которого было «что-то добродушное и вместе уютное»: «он был в один этаж и выходил на улицу пятнадцатью окнами..»; «Небольшие светлые окна, заставленные цветами и низенькими шелковыми ширмочками, смотрели на улицу с самой добродушной улыбкой, как умеют смотреть хорошо сохранившиеся старики»; «Каменные массивные ворота вели на широкий двор, усыпанный, как в цирке, мелким желтым песочком. Самый дом выходил на двор двумя чистенькими подъездами, между которыми была устроена широкая терраса, затянутая теперь вьющейся зеленью и маркизой с крупными фестонами» (12) и т.п.

Атмосфера легкости, просторности, чистоты и довольства чувствуется в каждом углу дома: светлые, уютные комнаты «с блестящими полами и свеженькими обоями», потолки «везде расписаны пестрыми узорами», белые двери «всегда блестели, точно они вчера были выкрашены»; «мягкие тропинки вели по всему дому из комнаты в комнату» (11).

Дом Бахаревых разделен на две половины. Комнаты на половине Василия Назарыча убраны согласно последним указаниям моды, здесь все «дышит» роскошью: «Дорогая мягкая мебель, ковры, бронза, шелковые драпировки на окнах и дверях» (23). Кабинет Бахарева отличается светскостью, деловитостью и одновременно простотой: стены «оклеены скромными корич-

невыми обоями, окна задрапированы штофными синими занавесями», «на полу лежал широкий персидский ковер», «низкий турецкий диван», «в углу железный несгораемый шкаф», на самом видном месте «большая золотая рамка с инкрустацией из ляпис-лазури; в ней была вставлена отцветшая, порыжевшая фотография Марьи Степановны с четырьмя детьми», на стене «в богатой резной раме из черного дерева большая картина, писанная масляными красками. На ней был оригинальный вид сибирского прииска, заброшенного в глубь Саянских гор» (21-22).

На половине Марьи Степановны всё освещено «теплым и душистым, насквозь пропитанным ароматом домовитой старины» (24). Интерьер по богатству не уступает другой половине: «дорогие ковры на полу, резная старинная мебель красного дерева, бронзовые люстры и канделябры, малахитовые вазы и мраморные столики по углам, старинные столовые часы из матового серебра, плохие картины в дорогих рамах, цветы на окнах и лампадки перед образами старинного письма» (23). Убранство в спальне самой Марии Степановны ещё более роскошно, чем во всём остальном доме: небольшая угловая комната уставлена «старинной мебелью и разными поставцами с серебряной посудой и дорогим фарфором», за стеклами красиво пестреют «китайские чашечки, японские вазы, севрский и саксонский сервизы» (13).

На половине Марии Степановны видны характерные признаки старобрядческого быта: «В переднем углу, в золоченом иконостасе, темнели образа старинного письма; изможденные, высохшие лица угодников, с вытянутыми в ниточку носами и губами, с глубокими морщинами на лбу и под глазами, уныло глядели из дорогих золотых окладов, осыпанных жемчугом, алмазами, изумрудами и рубинами. Неугасимая лампада слабым ровным светом теплилась перед ними» (13). В комнатах хозяйки царит совершенно особенный воздух: пахнет ладаном, деревянным маслом, душистыми травами и «еще бог знает чем-то очень приятным, заставлявшим голову непривычного человека тихо и сладко кружиться» (13).

Мамин-Сибиряк подробно описывает всё, что создает ощущение собственного, неповторимого мира, столь важного для старообрядцев. Культура старообрядческой семьи воплощается и в ее особом образе жизни: строгий порядок, уют дома, особое течение времени. В доме всё последовательно и происходит в свой черед. Марья Степановна говорит: «Мы ведь по старинке живем, в двенадцать часов обедаем» (25). Или: «Разговор за обедом происходил так же степенно и истово, как всегда...» (26).

Половины дома различаются не только внешне. Даже люди ведут себя на этих половинах иначе. К слову, разделение дома существует только для Марии Степановны, что характеризует хозяйку как строгую, волевою, консервативную женщину. Василий Бахарев и дети не признают такого разделения и пользуются обеими половинами.

Разделение дома Бахаревых носит не только пространственный характер, но заключается и в «семейных недоразумениях и несогласиях» (44). Старик Бахарев, хоть и опирается на патриархальные основы, но приходит к выводу, что «воспитывать детей в духе исключительности раскольниковых преданий немислимо» (44). Он чувствует новизну времени, необходимость образования, которое хочет дать своим детям. В свою очередь, Марья Степановна против образования. Она чтит традиции гуляевского дома, ей чужды любые нововведения. Половина дома Марьи Степановны подчиняется исключительно старообрядческим традициям, и именно здесь устроена домашняя моленная.

Недопонимание возникает и между Василием Назарычем и его сыном Константином. Старший Бахарев не понимает сына, в котором хочет видеть продолжателя своего дела. Константин считает, что богатство золотопромышленников держится на прямом ограблении рабочих. Он не желает пользоваться деньгами, нажитыми таким путем. Остро переживая конфликт с сыном, Василий Назарыч ещё больше сближается с дочерью Надей и «старается найти в ней то, что потерял в старшем сыне, то есть опору наступавшей бесильной старости» (45).

Но теплые, дружеские и крепкие отношения между Надеждой и стариком Бахаревым тоже рушатся в один миг. Надя, ожидающая рождения ребенка, не хочет жить на основе традиционной морали и вступать в церковный брак. Разгневанный отец проклинает дочь. А бегство старшей дочери из дому только укрепило Марию Степановну «в сознании правоты старозаветных приваловских и гуляевских идеалов, выше которых для неё ничего не было» (278). Имя Надежды больше не произносится в стенах дома.

Разногласия возникают и в отношениях Василия Назарыча с Приваловым. Для Бахарева Привалов «лишь часть приваловского рода, носитель Имени, определенных устоев и традиций, сколь пагубными бы на самом деле они ни были» [Шайхинурова 2002: 43]. Бахарев готов простить Привалову всё, но не измену собственному роду. Понимание сути отношения золотопромышленника к Привалову находим и в словах Надежды: «Теперь он действительно очень недоволен Приваловым, но это еще ничего не значит. Привалов все-таки остается Приваловым <...> что бы Привалов ни сделал, отец всегда простит ему все, и не только простит, но последнюю рубашку с себя снимет, чтобы поднять его. Это слепая привязанность к фамилии, какое-то благоговение пред именем...» (159). Именно поэтому для Бахарева неприемлем отказ Привалова от родовой, династической предначертанности – заводского дела: «Бахарев какими-то мутными глазами посмотрел на Привалова, пощупал свой лоб и улыбнулся нехорошей улыбкой. <...> – Торговать мукой... *Му-кой!*... *Привалов* будет торговать *мукой*... *Василий Бахарев* купит у *Сергея Привалова* мешок *муки*...» (74-75). По словам Л.М. Шайхинуровой, старик Бахарев «персонифицирует одно из социально-этических течений эпохи, отображенной в романе, – этику клана, или кровного родства» [Там же: 43].

Василию Бахареву неуютно в современном расколоте, разорванном мире, где погибают все его надежды и мечты, поэтому он тянется к синкретичному мироощущению. Отношения с детьми испорчены, родной дом разделен на две половины, Привалов отказывается от родовой предначертанно-

сти, ещё и подступающее банкротство усугубляет положение. Семья Бахаревых, изначально представляющая собой единый механизм, рушится во всех направлениях. Рушатся устои семьи, конфликты приводят к нравственному опустошению, рвутся нити, соединяющие членов семьи: «Нет, голубчик, нам, старикам, видно, не сварить каши с молодыми... В разные стороны мы смотрим, хоть и едим один хлеб» (178).

Поток неудач и разногласий, хлынувший в спокойный мир Бахаревых, меняет жизнь семейства. Мамин-Сибиряк словно проверяет этот мир на жизнеспособность конфликтами новой эпохи, эпохи утверждения буржуазных законов.

2.3.2. Сатирическое изображение мира «козырных тузов»

Другая сторона современной жизни общества (в том числе провинциального) новой формации – хищнический мир капитализма. Паразитизм, одичание и моральный распад буржуазии, погоня за наживой, страсть к обогащению – принципы этого мира. Капитализм везде: «в промышленности, в торговле, в банковском деле, в сельском хозяйстве и даже в быту» [Шайхинурова 2002: 47].

Мамин воплотил в романе рождение нового общественного кумира – «культу денежного мешка». Слова «приваловские миллионы», «миллионер Привалов» производят на местный «бомонд» магическое действие – все как будто «сходят с ума» с приездом Привалова в Узел. Узловские обыватели оказываются захваченными мечтой о даровой наживе, решаются на мошенничество и воровство. Страсть к наслаждениям и авантюрам искажает даже натуру незаурядных людей, ведет к деградации личности.

В типичных для своего времени образах Половодова, Ляховского, Оскара Шпигеля и др. Мамин-Сибиряк разоблачает волчьи законы буржуазной морали, для которой нет ничего святого.

Ляховский, опекун Сергея Привалова – делец, в погоне за наживой давно потерявший человеческий облик: его «тощая фигурка представлялась издали таким же грязным пятном, как валявшийся под его ногами ковер, с той разницей, что второе пятно помещалось в ободранном кресле» (124). В портрете Ляховского всё скомкано, неряшливо, несуразно, даже гротесково: «длинная вытянутая шея была обмотана шарфом. <...> Он принадлежал к разряду тех одеревеневших и высохших, как старая зубочистка, людей, о которых вернее сказать, что они совсем не имеют определенного возраста, все-сокрушающее колесо времени катится, точно минуя их. Такие засохшие люди сохраняются в одном положении десятки лет, как те старые, гнилые пни, которые держатся одной корой и готовы рассыпаться в пыль при малейшем прикосновении» (125).

Ляховский предстает не как человек, потерявший свой облик, а как человек, вообще не имеющий его. Мамин-Сибиряк сравнивает его с мертвецом: «Большая голова Ляховского представляла череп, обтянутый высохшей желтой кожей, которая около глаз складывалась в сотни мелких и глубоких морщин. <...> В высохшем помертвелом лице Ляховского оставались живыми только одни глаза, темные и блестящие они еще свидетельствовали о том запасе жизненных сил, который каким-то чудом сохранился в его высохшей фигуре» (125). Мертвым, безжизненным выглядит и кабинет хозяина: «полинялые обои», «грязно-серый» потолок, паутина по углам, вытертый паркетный пол, «потерявший все краски и представлявшийся издали большим грязным пятном» «донельзя измызганный ковер», летом «почерневшие и запыленные зимние рамы не были выставлены из окон» (124-125).

Портрет Ляховского и окружающий его интерьер вызывают ассоциации с гоголевским Плюшкиным. Писатель наделяет его плюшкинскими чертами и когда описывает, например, сцену бурного разговора Ляховского с кучером Ильей. Ляховский отчитывает кучера за то, что тот взял новую метлу: «– Вы все сговорились пустить меня по миру! – неестественно тонким голосом выкрикивал Ляховский. – Ведь у тебя третьего дня была новая метла!

Я своими глазами видел... Была, была, была, была!..<...> Сегодня метла, завтра метла, послезавтра метла. Господи! да вы с меня последнюю рубашку снимете» (128).

Но, в отличие от Плюшкина, Ляховский – крупный хищник периода капитализма, рыщущий в поисках денежных, лакомых кусков, неотрывно следящий за всем, что происходит вокруг него: сидя в старом кожаном кресле, спиной к дверям, он умудряется «видеть всякого входившего в кабинет – стоило поднять глаза к зеркалу, которое висело против него на стене» (124). Цель жизни Ляховского – нажива. Писатель образно говорит о нём: «Наживать для того, чтобы еще наживать, – сделалось той скорлупой, которая с каждым годом все толще и толще нарастала на нем и медленно хоронила под своей оболочкой живого человека» (140).

Мамин-Сибиряк подчеркивает двойственность Ляховского и его поступков. С одной стороны, это культурный человек, любящий науку. С другой – азартный игрок, «для которого люди – шахматные фигуры в игре» [Дергачев 1981: 76]. В одном случае – он хитроумный, наглый и матерый «воротила», без колебаний грабящий Привалова. В другом он сам – жертва Половодова, который стремится устранить его от участия в опекунстве. Второй раз жертвой Ляховский становится, когда управитель Пуцило-Маляхинский разоряет его так же, как он сам разорял Сергея Привалова.

Ляховский, активно играя в борьбе за миллионы, беспомощно ищущий нетерявшиеся бумаги и забывчивый там, где ему нужно, в другой ситуации сам оказывается обманутым, совершенно не замечая нависшей угрозы собственного разорения. Комизм ситуации заключается в том, что «козырного туза» обвели вокруг пальца его же собственными методами и приемами. И. А. Дергачев пишет о воплощении писателем бесконечности капиталистических интриг и афер: «Жертвы и палачи меняются в мире наживы, как меняются знаки плюс и минус в математической задаче» [Дергачев 1981: 77].

Другой капиталистический палач – Половодов, второй опекун Привалова, директор банка, выбившийся из низов. В отличие от Ляховского он жи-

вет на широкую ногу, изображает приветливого гостеприимного хозяина и славянофила, а в обществе – человека английской складки. Но в погоне за наживой Половодов также, как и Ляховский, давно потерял человеческий облик. Он тоже игрок, но более искусный и хитроумный, маскирующийся, прикрывающий напыщенными и витиеватыми фразами свои подлинные интересы. Он лишен совести, чести, обыкновенных человеческих чувств, ему чужды понятия о морали и нравственности. Ради денег Половодов готов на любое преступление. В стремлении единолично захватить приваловские миллионы, устранив Привалова и Ляховского, Половодов тщательно разрабатывает план интриги вокруг Сергея Привалова.

В азартной погоне за большим куском Половодов ставит на карту всё: имя, жену, любимую девушку. В ходе реализации хитроумной авантюры даже собственную жену он превращает в «орудие»: «Половодов внимательно рассматривал жену, ее высокую фигуру в полном расцвете женской красоты, красивое лицо, умный ленивый взгляд, глаза с поволокой. Право, она была красива сегодня, и в голове Половодова мелькнула собственная счастливая мысль: чего искать необходимую для дела женщину, когда она стоит перед ним?» (109-110). Да и у жены отсутствуют нравственные принципы – она не только соглашается быть участницей этой авантюры, но и не прочь изменить мужу.

Половодов влюблен в Зосю Ляховскую, но и её он приносит в жертву «желтому дьяволу», предлагая выйти замуж за Привалова. Тем более ничтожным и жалким предстает Половодов, узнав, что Зосю можно было сохранить для себя, не выдавать за Привалова: «– О, дурак, дурак... дурак!.. – стонал Половодов, бродя, как волк, под окнами приваловского дома. – Если бы двумя часами раньше получить телеграмму, тогда можно было расстроить эту дурацкую свадьбу, которую я сам создавал своими собственными руками. О, дурак, дурак, дурак!..» (275).

Эти эпизоды ярко иллюстрируют продажность капиталистического общества, где абсолютно всё может быть принесено в жертву наживе – честь,

совесть, любовь, семья. Поэтому Половодова не может возвыситься в глазах читателя ни искреннее чувство к красавице Зосе, ни даже смерть.

Наряду с образами «козырных тузов» (Ляховский и Половодов) в романе показаны более мелкие хищники. Тут и Хиония Заплата – ничтожный мастер различных интриг, стремящаяся извлечь из всего пользу, и авантюрист, мастер по присвоению чужих капиталов, немец Оскар Шпигель.

Воплощая образы хищников, их борьбу за приваловское наследство, Мамин-Сибиряк, с одной стороны, отображает неотвратимое шествие капитализма, а с другой – показывает процессы загнивания и разложения буржуазного мира, которые проникают во все уголки современной России.

2.3.3. Образы «новых» людей в романе

В противовес капиталистам-хищникам Д.Н. Мамин-Сибиряк показывает в романе представителей молодого поколения, честных, умных, патриотичных людей, ищущих выхода из мира лжи и «взаимопоедания» – это Привалов, Лоскутов, Надежда и Константин Бахаревы.

Константин Бахарев, как уже говорилось выше, не собирается идти по отцовским стопам, считая для себя позорным встать в ряды золотопромышленников, поэтому покидает отцовский дом и уезжает на Шатровские заводы. Он последователь индустриального развития, которое, как ему кажется, должно принести рабочим более высокий уровень жизни. Он мечтает об усовершенствовании промышленного производства, техническом прогрессе: «Тут было достаточно всего: и узкоколейные железные дороги, которыми со временем будет изрезан весь округ Шатровских заводов, и устройство бессемеровского способа производства стали, и переход заводов с древесного топлива на минеральное, и горячее дутье в видах "улавливания газов и утилизации теряющегося жара" при нынешних системах заводских печей, и т.д.» (190). Словом, Бахарев – фанатик заводского дела. Он ничего не хочет знать,

кроме своих заводов. Деловитость и односторонний практицизм – его характерные черты.

Как многие представители современного молодого поколения Константин Бахарев думает, что увеличение суммы благ посредством индустрии способно изжить бедность, невежество, болезни, что сосредоточение трудящихся в заводах, коллективный характер труда – залог иного будущего. Но автор понимает, что планы Бахарева иллюзорны: владельцы заводов заинтересованы в материальной выгоде, а не в развитии национального хозяйства. Капиталистам, собственникам заводов нужны такие верные слуги, дельцы, но до того времени, пока они не мешают хищническому грабежу заводов. Это и случается с Константином – его увольняют.

К типу «новых людей» еще более приближен другой герой романа – Лоскутов, идеалист-фанатик. Герои, сталкивающиеся с Лоскутовым, видят в нем «совершенно особенного человека», «крупную величину», «замечательного человека», «в высшей степени талантливую натуру». Но при всём этом, чувствуется неясность и двойственность в его обрисовке. Лоскутов развивает теорию духовного, нравственного самосовершенствования человека, не зная народной жизни, не имея никаких связей с народом. По мнению И.А. Дергачева, «заботы Лоскутова об общественном благе, широкие мечты о человеческом братстве, безграничная увлеченность идеей всеобщего счастья соединены с мыслью о необходимости уничтожения всех общественных диссонансов, как в романе осторожно называются социальные отношения того времени» [Дергачев 1981: 85].

Система взглядов идеалиста Лоскутова приобретает мистически-утопический характер: «Мне было что-то вроде откровения <...> Знаешь, я видел всех людей счастливыми... Нет ни богатых, ни бедных, ни больных, ни здоровых, ни сильных, ни слабых, ни умных, ни глупых, ни злых, ни добрых: везде счастье... <...> Видишь ли, в чем дело, если внешний мир движется одной бессознательной волей, получившей свое конечное выражение в ритме и числе, то неизмеримо обширнейший внутренний мир основан тоже на гармо-

ническом начале, но гораздо более тонком, ускользающем от меры и числа, - это начало духовной субстанции. Люди в общении друг с другом постоянно представляют дисгармонию, точно так же как в музыке. Вот чтобы уничтожить эту дисгармонию, нужно создать абсолютную субстанцию всеобщего духа, в котором примирятся все остальные, слившись в бесконечно продолжающееся и бесконечно разнообразное гармоническое соединение, из себя самого исходящее и в себя возвращающееся» (340-341). Лоскутов, помешавшись на этой теории, говорит о вселенской религии, в которой соединятся все народы. Однако, Мамин-Сибиряк отвергает такую систему взглядов. Поэтому его герой в итоге сходит с ума, а его мысли о будущем оказываются бесплодными как форма умоисступления. Таким образом, писатель на примере Лоскутова показывает крах революционного народничества как утопического движения.

Мамин-Сибиряк не принимает деятельность ни Константина Бахарева, ни Максима Лоскутова и не верит в их рецепты изменения жизни народа. Очевидно, что наиболее приближена к идеалу в романе Надежда Бахарева, которая смело вступает в борьбу с моралью и жизнью отцов и ставит целью жизни бескорыстную помощь народу.

Надежда Бахарева тоже знакома с заводской промышленностью, уважает рабочих. Однако её слова: «Мы живем паразитами, и от наших богатств пахнет кровью тысяч бедняков... Согласитесь, что одно сознание такой истины в состоянии отравить жизнь» (117), – распространяются не только на золотопромышленность, но и на заводы. Она не хочет, не может жить по-старому. Поэтому она не может оставаться в доме отца, где жизнь строится на поте и крови тысяч бедняков. Долгое время Надежду удерживает лишь светлая дочерняя любовь к отцу, обусловленная тем, что однажды «больной отец был предоставлен на ее исключительное попечение», в результате этого «безмолвного соглашения» между дочерью и матерью «с каждым днем разница между двумя половинами разрасталась и принимала резкие формы» (180). Она знает, что деньги отца не следствие его своенравия и личного

хищничества. Она понимает его заблуждения, понимает глубокие причины их непримиримых идейных разногласий.

Надежда не может принять и неестественность всеобщего показного смирения в доме отца, на половине матери Марии Степановны. Староверческие обряды, патриархальность для нее – жалкая комедия, прикрывающая многие недостатки и пороки: «Теперь в особенности поведение матери неприятно действовало на девушку: зачем вся эта фальшь на каждом шагу, в каждом движении, в каждом взгляде?..». Честная натура Нади не может вынести тяжелой атмосферы в доме: «Положение богатой барышни дало почувствовать себя, и девушка готова была плакать от сознания, что она в отцовском доме является красивой и дорогой безделушкой — не больше» (179-181).

Надежда унаследовала от отца лучшие черты – энергию, непоколебимость, силу духа, ум. Вместе с тем она равнодушна, добра и чувствительна. Речь героини в критические моменты наполнена твердостью и мужеством, непониманием и неприятием некоторых установок: «Почему несправедлива к людям природа: одним дает физическую силу, другим физическую слабость... Почему всякая беда всей своей тяжестью ложится прежде всего на женщину? Почему женщина, устраненная от всякой общественной деятельности, даже у себя дома не имеет своего собственного угла, и ее всегда могут выгнать из дому отец, братья, муж, наконец, собственные сыновья? Почему в семье, где только и может жить женщина, с самого рождения она поставлена в неволю? <...> Разве все это справедливо, папа?» (241-242); «Я не раскаиваюсь, папа...<...> Я это знала... я сейчас уйду...» (243)

Героиня оказывается способной отказаться от традиционной морали, привычной обеспеченной жизни, законов церковного брака: «Если человек, которому я отдала все, хороший человек, то он и так будет любить меня всегда... Если он дурной человек, – мне же лучше: я всегда могу уйти от него, и моих детей никто не смеет отнять от меня!.. Я не хочу лжи, папа... Мне будет тяжело первое время, но потом все это пройдет» (244). Но этот путь ведет ге-

роению к неизбежному разрыву семейных связей, что становится сильнейшим ударом для отца.

Трезвый взгляд Надежды на жизнь позволяет ей разобраться и в других глубоких социальных противоречиях современной жизни. Поэтому она быстро убеждается и в фантастичности идей Лоскутова, отрешенного от реальной действительности, неспособного к какой-либо практической деятельности. Убежденная в спасительной необходимости труда для человека, унаследовав от отца спокойную, сосредоточенную силу, связь с широким миром, она уходит в простую и суровую жизнь: работая в деревне учительницей, героиня наблюдает и изучает жизнь народа, стремится оказать ему посильную помощь.

Безусловно, исследователи не могли не заметить в образе героини маминского романа продолжение одной из традиций русской литературы: чистый и сильный характер Надежды Бахаревой, сближающейся с народно-национальной средой, ставит ее в один ряд с героинями русского романа – пушкинской Татьяной, тургеневской Еленой, толстовской Наташей. Из всех персонажей романа, по выражению В. А. Старикова, именно она «выделяется самоцветным сиянием драгоценных камней» [Стариков 1981: URL].

2.3.4. Последний представитель «выродившейся семьи» (Сергей Привалов)

Главный герой романа «Приваловские миллионы» – Сергей Александрович Привалов, молодой человек, идеалист с университетским образованием возвращается в родной город Узел после длительного отсутствия с целью возвращения себе миллионного наследства – Шатровских заводов, взятых в опеку после смерти его отца.

Привалов стремится получить заводы в свои руки, но не для того, чтобы жить богачом. Он думает о необходимости возвращения долга рабочим, которые своим трудом создавали заводы, и башкирам, земли которых были

бесчестно, обманом взяты под заводы. Эта идея исторического долга, долга народу, который имеет определенный экономический и финансовый размер, зародилась у Привалова во время обучения в Петербурге под влиянием идеологии народнического движения. Сергей планирует вести дела завода и прибыль делить между рабочими и башкирами, выплачивая таким образом долг, накопившийся за столетия. При этом, он не считает наследственные миллионы своими и не собирается воспользоваться ни одной копейкой из заводских доходов: «Земля башкирская, а заводы созданы крепостным трудом. Чтобы не обидеть тех и других, я должен отлично поставить заводы и тогда постепенно расплачиваться с своими историческими кредиторами» (74); «...на моей совести, кроме денег, добытых золотопромышленностью, большою тяжестью лежат еще заводы, которые основаны на отнятых у башкир землях и созданы трудом приписных к заводам крестьян» (117).

Особенности природы героя проявляются в его речи. По наблюдениям Шарипова, язык Привалова «настолько строгий, правильный, литературный, уравновешенный, лишенный каких бы то ни было недостатков, эмоциональных всплесков, что говорить о его недостатках (следовательно, и о недостатках характера) не приходится. Однако в указанных выше признаках языка главного героя романа как раз и заключаются его достоинства» [Шарипов 2014: 100].

Речь Привалова, как правило, лаконична, сдержанна. Развернутые высказывания встречаются лишь в случае раскрытия взглядов героя. Например: «Мне не нравится в славянофильстве учение о национальной исключительности <...>. – Русский человек, как мне кажется, по своей славянской природе, чужд такого духа, а наоборот, он всегда страдал излишней склонностью к сближению с другими народами и к слепому подражанию чужим обычаям... Да это и понятно, если взять нашу историю, которая есть длинный путь ассимиляции десятков других народностей. Навязывать народу то, чего у него нет, – и бесцельно и несправедливо» (94). Очевидно, что познания Привалова не ограничиваются лишь сферой экономики, политики и культуры.

Кроме того, он способен и мотивированно выразить свое отношение к тому или иному направлению общественной мысли.

В. Шарипов заметил, что объем высказываний Привалова заметно меньше по сравнению с другими, даже второстепенными, персонажами романа, названного именем главного героя [Шарипов 2014: 102]. Мамин-Сибиряк не случайно избирает обратный порядок. Ему важно показать, как человек, получивший отличное, обширное университетское образование становится заложником совсем других идей, ценностей, установленных новым капиталистическим порядком. По возвращении домой Сергей оказывается опутан сетями развивающегося «капитализма-паука», зависим от этого мира. Он попадает в среду капиталистов-хищников, «готовых не только захватить приваловские наследственные миллионы, но даже “любезное отечество слопать”» [Дергачев 1981: 80]. И если Привалов руководствуется принципом долга и чести, то в стане пирующих, довольных, сытых и наглых дельцов этот принцип начисто отсутствует.

Ход развития сюжета показывает, что Привалов, честный и прямой человек, не признающий ни подкупа, ни взятки, со своим альтруизмом и идеями расплаты с народом не владелец завода. Он – жертва буржуазного хищничества. И Привалов в своем стремлении осуществить утопическую народническую идею терпит поражение.

Параллельно с сюжетной линией борьбы за наследство развивается другая – это сюжетная линия, связанная с приваловской идеей поддержки народного производства и защиты крестьянина от кулака, скупщика. Он строит мельницу и заводит хлебную торговлю, мечтая таким путем вести борьбу с купцами и предпринимателями, наживающимися на продаже хлеба втридорога крестьянам. Но и эта попытка отгородить народ от посягательств капиталистов окажется утопической. Буржуазные отношения проникают не только в провинцию, но и в деревню. В условиях капиталистической конкуренции Привалову приходится встать в ряды хлеботорговцев, став составной

частью капиталистической системы. Спасительные меры, направленные на поддержание деревни, не оправдываются.

Сергей Привалов не только жертва капитализма, но и жертва местного, городского провинциального бомонда с его сплетнями, интригами, домыслами. Для представителей этого бомонда Сергей – чужой человек, «приваливший» в Узел, «свалившийся с миллионным счастьем» к ним на голову. По верным наблюдениям Л. М. Шайхинуровой, имя Привалова «кристаллизуется в конкретный метонимический образ (приваловские миллионы), состоящий из объекта и отношения к нему общества» [Шайхинурова 2002: 47]. Поэтому после визита Привалова в гостиной Агриппины Филипповны «несколько секунд стояло гробовое молчание»: «Все думали об одном и том же – о приваловских миллионах, которые сейчас вот были здесь, сидели вот на этом самом кресле, пили кофе из этого стакана, и теперь ничего не осталось... Дядюшка, вытянув шею, внимательно осмотрел кресло, на котором сидел Привалов, и даже пощупал сиденье, точно на нем могли остаться следы приваловских миллионов». Лепешкин мечтательно восклицает: «Нам бы хоть понюхать таких деньжищ... Так, Оскар Филипыч?». Дядюшка «сладко согласился»: «О да... совершенно верно: хоть бы понюхать... » (90) и т.п.

Значимость Сергея Привалова также подчеркивается в ироническом зооуподоблении: «Приехал человек из Петербурга, – да он и смотреть-то на ваших невест не хочет! Этакое осетра женить... Тьфу!» (6); «Этакое осетра в жильцы себе заполучила... Да ведь пожить рядом с ним, с миллионером...» (50). Ирония Мамина здесь направлена не на главного героя, а на суесящихся представителей узловского «бомонда». По мнению Шайхинуровой, такое сравнение не случайно: «Ассоциативный ряд, возникающий в сознании читателя, прозрачен: осетр – одна из “породистых” и благороднейших рыб, рыба “голубых кровей”, <...> это рыба, которую непременно следует съесть!» [Шайхинурова 2002: 41].

Ирония как концептуальная категория романа осмысливается Шайхинуровой через призму «социального мифотворчества»: «социальное мифотвор-

чество – это реестр социальных иллюзий, сознательно распространяемых в обществе для достижения тех или иных целей» [Шайхинурова 2002: 42]. Именно социальное мифотворчество является основным объектом авторской иронии на страницах романа. А герои «Приваловских миллионов» - носители социального мифотворчества. Они принимают участие в создании мифов о Привалове-миллионере. Мамин-Сибиряк изображает современную жизнь в связи с предшествующими эпохами. Он показывает не одного Привалова, а целую династию, «гнездо». Именно в этике клана, кровном родстве старик Бахарев видит спасительную утопию, «миф-идиллию». Шайхинурова пишет, что «“Бахаревский” сюжет порождает миф, и миф именно идиллический, поскольку вместе с интересом к проблемам этики родового сознания у автора зреет понимание того, что возврата к прошлому не будет, что названное социально-этическое течение практически раздавлено мощным потоком бытия» [Там же: 45].

Второй миф в романе – «“миф-кошмар”, связанный с тематикой катастрофизма и злой участи» [Там же]. Это миф о «миллионщике», который порождает новое, социально-этическое течение эпохи капитализма, «суть которого - в культивировании «желтого дьявола» любыми способами, вплоть до полного отпадения от родового сознания и забвения собственного имени» [Там же]. Узловский «бомонд» объединяется в заговоре против «миллионщика», делая его жертвой.

Однако и сам Привалов является творцом и носителем мифа – «мифа-идиллии», «сопряженного с поиском благостной и спасительной утопии», возвращения родового долга народу [Там же: 49]. Парадоксально то, что единственный наследник миллионов – Привалов не считает эти миллионы своими. Тем не менее, «не только узловские обыватели лишают главного героя индивидуальности и превращают его в героя-функцию, но и сам автор как будто бы по-своему мифологизирует его» [Там же: 50]. Таким образом, «Сергей Привалов – «миф-идиллия» Мамина-Сибиряка, благостная, но оче-

видно утопическая идеологема, персонифицированная в облике главного героя» [Шайхинурова 2002: 50].

Узловские обыватели не только насмеваются над Приваловым, но и не понимают, не воспринимают его всерьез. С приходом Привалова у них возникает масса вопросов. Кто такой Привалов? Подопечный миллионер? Свой или чужой («узловец» или петербуржец)? Настоящий наследник? Почему не занимается родовым, заводским делом и золотодобычей? Ответы на эти вопросы хоть и интересуют «узловцев», всё же Привалов для них не загадка. Напротив, Сергей Привалов в их глазах скромный и робкий человек, «дурачок» и «простачок», которого с легкостью можно обвести вокруг пальца, да к тому же ещё и слабохарактерный: «...в нем этого... как вам сказать... между нами говоря... нет именно той смелости, которая нравится женщинам. Ведь в известных отношениях все зависит от умения схватить удобный момент, воспользоваться минутой, а у Привалова... Я сомневаюсь, чтобы он имел успех...» (77); «Да Привалова и изучать нечего, – он весь налицо: глуповат и бредит разными пустяками» (105-106); «Он глуповат и простоват, но он может быть героем романа...» (101).

Привалов, с детства испытывающий отвращение к страшному миру прошлого своих предков и получивший хорошее образование, унаследовал черту, характерную для всей династии Приваловых – слабохарактерность. Это качество не раз играет злую шутку с Приваловым: он постоянно затягивает с решением проблем, связанных с заводами, не решается поговорить с опекунами, становится игрушкой в руках женщин, уходит в «запой». В результате Привалов, душевно опустошенный, под тяжестью событий сламывается, теряет наследство, рушатся все надежды на уплату исторического долга, все благие намерения идут прахом. Лишь трепетная и нежная любовь к Надежде Бахаревой спасает героя.

Сергей Привалов тянется к миру новых людей. Молодых людей волнуют новые пути развития России, они постоянно думают о трудящихся. Они не могут смириться с угнетением, подавлением человека, превращением его

в средство обогащения. Народ – предмет размышлений и забот Привалова, Лоскутова, Надежды и Константина Бахаревых. Но, к сожалению, только лишь размышлений. Их тщетные попытки изменения окружающей действительности не дают своих плодов. Автор, критически освещая позиции Привалова, Лоскутова, молодого Бахарева, заставляет усомниться в правильности их идей и мнений. Однако «формула личной честности, личной ответственности, которой придерживаются герои, не дискредитируется» [Дергачев 1981: 82].

Очевидно, что Мамин-Сибиряк продолжает своим романом тему «нового человека» в русской литературе. Молодых героев «Приваловских миллионов» не трудно соотнести с представителями новых людей романа Н. Г. Чернышевского: Рахметов и Лоскутов – «особенные, необыкновенные люди», Надежда Бахарева и Вера Павловна – образы «новых» ищущих женщин, видящих своё предназначение в помощи простым людям. Вся деятельность героев одухотворена верой в лучшее будущее. Но если герои Чернышевского, как известно, созданы на основе принципа идеализации (и значит, не критикуются и не ставятся под сомнение их идеи и помыслы), то у Мамин-Сибиряка более сложное и неоднозначное отношение к своим героям: ему явно импонируют общие ценностные установки молодых людей с демократическим мировоззрением, но, с другой стороны, он понимает утопичность того пути, который избирает новое поколение для достижения благой цели.

Новаторство Маминина заключалось и в том, что он погрузил своих героев в противоречивый мир современного провинциального города. При этом город Узел – не просто периферия, не случайно писатель считал Екатеринбург промышленным и умственным центром Урала. Поэтому Узел несет в себе не только характерные черты провинциального мира – грязь, глушь, невежество, погруженность человека в бытовую жизнь и т.п., – но это и мир баснословного богатства, заводов и золотопромышленности, поработивших людей, мир, где натура человека проверяется властью «золотого тельца». Образ уральского города позволил Мамину не просто пополнить сюжеты фи-

нансового обогащения или краха в эпоху развития капитализма, но и воплотить особую вариацию противоречий современного буржуазного мира, где по-своему развиваются общие идеи свободы, необходимости не только социального, но и духовного перерождения общества.

События в уездном городе Узле «становятся воплощением общечеловеческой трагедии в результате утраты подлинных жизненных ценностей» и предупреждением читателя «о возможном углублении кризиса, оставляя его на перепутье, заставляя думать о выборе пути и способах спасения отечества» [Соболева 2015: 53]. Современные вопросы не столько находят свое однозначное решение в романе, сколько обостряются писателем, оставаясь открытыми для дальнейших размышлений читателя.

Автор хоть и показывает победоносное, неотвратное и хищническое шествие капитализма, сметающего всё на своём пути, всё же трогательный финал компенсирует трагичность «Приваловских миллионов». Роман завершается верой автора в семейные ценности, любовь, спасающую человека: «Прошло три года. В светлые солнечные дни по Нагорной улице в Узле можно было всегда встретить седого старика, который, прихрамывая, гулял с пятилетней темноглазой девочкой. Это был Василий Назарыч. <...> Раз осенью, когда выдался особенно теплый денек, старик вывел из приваловского подъезда полуторагодового мальчика с большими серыми глазами: это был законный внук Василия Назарыча, Павел Привалов. Основная идея упрямого старика восторжествовала: если разлетелись дымом приваловские миллионы, то он не дал погибнуть крепкому приваловскому роду» (363).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель нашего исследования состояла в выявлении художественной специфики образа уральского города в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Предпринятый обзор литературоведения по теме обнаружил крайне малую степень изученности романа. В частности, существующие отдельные наблюдения ученых над романом в работах общего характера, вступительных статьях к изданиям произведения не дают необходимого представления о своеобразии образа города Узла и провинциального общества в «Приваловских миллионах».

Осуществленный в теоретической главе работы целостный анализ образа города в литературе позволил выявить (на основе трудов К. Линча, Н. П. Анциферова, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Н. Е. Меднис, В. В. Абашева и др.) существующее научное представление о городе как тексте, типологии городских сверхтекстов русской литературы. Более подробно нами была рассмотрена специфика образа провинциального (уездного, губернского) города, в частности, Екатеринбурга: особенности провинциального пространства и времени (замкнутость, изолированность, цикличность и т.п.), основные типы провинциальных сюжетов и героев и т.д.

В ходе исследования образа уездного уральского города, воплощенного Д. Н. Маминым-Сибиряком в «Приваловских миллионах», во второй главе работы мы обратились к историческому замыслу романа, который постепенно от изначально задуманной грандиозной эпопеи из уральской жизни («Каменный пояс») трансформировался в роман о последнем представителе некогда сильного рода, прошедшего и взлет, и падение.

Прекрасное знание истории Урала, Екатеринбурга, фактов уральской промышленности и судеб ее известных представителей (в частности, истории владельцев Кыштымских заводов) позволили писателю создать зримый, узнаваемый облик уральского города, со всеми его противоречиями. Пространственно-временные параметры уральского провинциального мира вы-

явлены посредством анализа символического названия топоса (Узел), деталей быта, характерных оппозиций (столица / провинция, родина / чужбина, консервативность / новизна, деятельность / растрачивание жизни), провинциальных сюжетов и мотивов (театральность, мотивы сватовства, молвы, скандала и т.п.), разрушения идиллического мира (дома Бахаревых) в условиях капитализма.

Большое значение в формировании образа города приобретает облик «провинциального общества». В системе образов «Приваловских миллионов» нами были выделены четыре основные категории персонажей: вышедшие из трудовых низов энергичные, волевые основатели уральской промышленности (Бахарев, Гуляев); представители мира «козырных тузов», основанного на принципах паразитизма, морального распада, страсти к обогащению (Половодов, Ляховский, Оскар Шпигель и др.); «новые» люди - представители молодого поколения, созданные в традициях романа Чернышевского (Лоскутов, Надежда и Константин Бахаревы); главный герой - Сергей Привалов, последний представитель «выродившейся семьи», наиболее ярко воплотивший противоречия времени.

Своеобразие созданного Маминим противоречивого мира современной провинции состоит в том, что уральский Узел сочетает в себе типичные черты провинциального мира (грязь, невежество, бытовизм существования) с миром «золотого тельца», властью которого проверяется человеческая натура. Отсюда - воплощение специфичного варианта конфликтов, противоречий современного буржуазного мира. Тем не менее, подобно многим современникам, Мамин-Сибиряк был уверен в первостепенной необходимости не столько социальной, сколько духовной трансформации общества.

Мы понимаем, что данная работа не исчерпывает всех нюансов сформулированной темы. Предметом специального изучения может стать целостный анализ образа уральского города в других произведениях автора, а также сопоставительное исследование маминского города с провинциальными топосами других писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М. : Правда, 1958. Т. 2. 380 с.
2. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 12 т. Свердловск : ОГИЗ : Свердловгиз, 1951. Т. 12.
URL: book.uraic.ru/files/kraeved/ekaterinburg.rtf (дата обращения: 25.05.2015).
3. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
4. Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Непостижимый город. Л. : Лениздат, 1991. URL: http://royallib.com/book/antsiferov_nikolay/dusha_peterburga.html (дата обращения: 25.05.2015).
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худ. литература, 1990. 543 с.
6. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. литература, 1975. С. 234-407.
7. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. М. : ГИХЛ, 1948. Т. 3. 925 с.
8. Власова Е. Г. Эволюция образа Урала в литературе путешествий XVIII-начала XX века: способ путешествий и восприятие пространства // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2011. Вып. 6. С. 52-59.
9. Боголюбов Е. А. Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка. М. : Знание, 1953. 24 с.
10. Гончаров И. А. Обрыв. Роман в пяти частях // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб. : Наука, 2004. Том. 7. 772 с.
11. Девятайкина Г. Л. Уральский «сверхтекст» в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Именинник» // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-

- та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 75-82.
12. Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. 2-е изд. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 336 с.
13. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. Вып. 18. С. 63-69.
14. Зырянов О. В. Живой Мамин. Заметки к 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти // Урал. 2012. № 11.
URL: <http://uraljournal.ru/work-2012-11-909> (дата обращения: 25.05.2015).
15. Зырянов О. В. Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка и перспективы литературной регионалистики // Филологический класс. 2012. №4. С. 7-15.
16. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX века. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. ; СПб. : Тема, 2000. С. 164-170.
17. Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII - середина XX в. в.). Екатеринбург, 2006. 243 с.
18. Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 196 с.
19. Кунгурцева Н. А. Репрезентация художественного пространства Урала в ранних произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка («Варваринский скит», «На Чусовой», «В камнях») // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург : УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2006. Вып. 2. С. 267-274.
20. Кунгурцева Н. А. Художественный образ Дома в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «На рубеже Азии» // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 156-160.
21. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.

22. Лыткина О. И. Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 607-610.
23. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 2. С. 9-21.
24. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М. : Coda, 1996. 474 с.
25. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. Москва, 2012. № 3. С. 33-74.
26. Митрофанова Л. М. Ирбитская ярмарка в литературном контексте произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург : УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2006. Вып. 2. С. 51-59.
27. Митрофанова Л. М. Башкирский образ мира в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург : УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. Вып. 3: в 2 т. Т. 2. С. 217-227.
28. Митрофанова Л. М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 130-136.
29. Приловская О. В. Роль П.П. Бажова в изучении творческого наследия Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. С. 458-467.
30. Пыхтина Ю. Г. Пространственный город как национальный пространственный образ в русской литературе // Вестник ОГУ. 2011. № 11. С. 49-56.
31. Сержантов В. Г. Писатель-демократ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Челябинск : Челяб. обл. гос. изд-во, 1952. 120 с.

32. Слобожанинова Л. М. О некоторых мотивах в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 1900-х гг. // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 428-435.
33. Соболева Л. С. Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 52-70.
34. Соболева Л. С. Старообрядческий мир в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 143-156.
35. Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800-1820-х гг. // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 53-69.
36. Стариков В. А. Д.Н. Мамин-Сибиряк и его роман «Приваловские миллионы» // Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. М. : Правда, 1981. URL: <http://www.philology.ru/literature2/starikov-81.htm>. (дата обращения: 25.05.2015).
37. Шайхинурова Л. М. Социальное мифотворчество и «ирония судьбы» в романе «Приваловские миллионы» // Известия Урал. гос. ун-та. 2002. №24. С. 39-56.
38. Шарипов В. А. Характер и речевая характеристика в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» // Учен. записки Худжанд. гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 99-107.
39. Щенников Г. К. Уральская литература. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Щенников Г. К. История русской литературы XIX века: 1870-1890-е годы. Екатеринбург : Сократ, 2000. С. 311-327.
40. Щенникова Л. П. Драматургическое начало в романах Д. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо» // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Екатеринбург : УрО РАН ; Объед. музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 253-259.

41. Щенникова Л. П. Урал и Россия в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 2. С. 65-73.
42. Эртнер Е. Н. Человек и природа в «сибирских» романах Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 136-143.
43. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. 448 с.
44. Якимова Л. П. Рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. «В худых душах» и «Все мы хлеб едим» // Литература Урала: история и современность / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. С. 422-436.